

ШЕННОН МАЙЕР,
К.Ф. БРИН

АКАДЕМИЯ
ТЕНЕВЫХ ЗАКЛИНАНИЙ

Монстрология. Коллекция

Шеннон Майер

Академия теневых заклинаний

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Майер Ш.

Академия теневых заклинаний / Ш. Майер — «Издательство АСТ», 2019 — (Монстрология. Коллекция)

ISBN 978-5-17-146279-6

Вы не выбираете Академию. Академия выбирает вас. Я понятия не имела, как эти слова изменят мою жизнь. Или как они уже успели ее изменить... До того самого дня, когда нам вынесли смертный приговор. Мой младший брат был избран в престижную тайную магическую школу. Место настолько опасное, что никто не гарантирует, что вы выберетесь оттуда живыми. Если он не уедет, вся наша семья погибнет. Точно такое же приглашение три года назад получил мой старший брат, в ту же школу, где он загадочно умер. Академия уже убила моего брата. Будь я проклята, если они заберут еще одного. Я делаю единственное, что может старшая сестра: остригаю себе волосы и занимаю его место. Магия и монстры реальны. За мной идут убийцы, а мертвецы склонны восставать из своих могил. Я должна победить Академию в ее же игре. Или умереть, пытаясь это сделать.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-146279-6

© Майер Ш., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Академия теневых заклинаний	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	65
Глава 13	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Шеннон Майер, К.Ф. Брин

Академия теневых заклинаний

K. F. Breene, Shannon Mayer
SHADOWSPELL ACADEMY.
THE CULLING TRIALS (BOOKS 1–3)

*Печатается с разрешения литературных агентств,
JABberwocky Literary Agency, Inc. (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).*

Издательство
АСТ

Copyright © 2019 K.F Breene and Shannon Mayer
© Светлана Дорохова, перевод на русский язык, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Академия теневых заклинаний

Отборочные испытания. Книга 1

Глава 1

– Черт возьми, Уайлд¹, держи ее крепче, иначе она меня на рог насадит!

– Легче сказать... чем сделать... старик... – С трудом удерживая на месте Колокольчик – нашу корову породы лонгхорн² весом в полторы тысячи фунтов, – я пыталась развернуть ее большую голову и взглянуть на отца, который в эту минуту зашивал зияющую рану на ее боку. Недавно она схватилась с одним нашим огромным быком по кличке Усы – так его в детстве неудачно прозвала моя сестра. Усы славился тем, что не особо церемонился с дамами. Наверное, до сих пор обижался на данное ему прозвище.

– Она явно в очень... *очень*... – Я крепко ухватилась за гладкий рог и тихо выругалась себе под нос, когда мои пальцы соскользнули к острому концу. – Плохом настроении!

До меня донесся едва слышный отцовский смех.

Стиснув зубы, я вдавила пятки в рыхлую землю, для надежности упершись в металлические перекладыны самодельного стойла. Ветхая конструкция отозвалась скрипом и треском. Колокольчик то ли от нетерпения, то ли от боли стукнула копытом, и в лицо мне отлетели комья грязи. Воняющая навозом жижа, сползая по губам, затекла прямо мне в рот, пока я не захлопнула его. Усилием воли я подавила рвотный позыв и сплюнула в сторону, стараясь не ощущать вкус того, что оказалось у меня на языке.

Как бы мне ни нравилось быть фермерской девчонкой, но в такие минуты я жалела, что мы живем не в городе. Например, в Хьюстоне. Или в Далласе. В любом другом месте Техаса, только не в этом захолустье, которое я зову своим домом: в четверти мили от ближайших соседей и в пяти милях от крохотного городка. Эта мысль стремительно пронеслась в моей голове. Я снова сплюнула, избавляясь от остатков грязи во рту.

Очень надеюсь, что это грязь...

– Джонсон, ты как там? В порядке? – окликнула я.

С каждым годом отец постепенно сдавал, ему все труднее было поддерживать свое слабое тело в должном состоянии – ни для кого из членов нашей семьи это не было тайной. Превратившись преждевременно в развалину, он уже не мог с прежней ловкостью увернуться от разъяренной коровы. Отцу было всего сорок с небольшим, а двигался он так, будто ему глубоко за сотню. Однако когда требовалось зашить рану скоту, в его руках появлялась былая уверенность – в этом ему по-прежнему не было равных... разумеется, при условии, если мне удавалось удержать корову в нашем убогом загоне, что в настоящий момент у меня выходило не очень.

– В порядке, – откликнулся он напряженно. – Просто работа идет медленно. Сама знаешь, какая у нашей старушки Колокольчик толстая шкура.

Тут корова дернулась вбок, отчего мои ноги проскользили по грязи. Рыча и отдуваясь, я рывком потянула ее назад, возвращая практически в вертикальное положение и удерживая на месте. Стоило заскрипело, и ближайшие ко мне доски начали расходиться. Если все сейчас рухнет, нам придется разбираться с животным уже совсем в других условиях.

¹ Wild (пер. с англ.) – дикий, необузданный, сумасбродный.

² Техасский лонгхорн – порода крупного рогатого скота, известная своими длинными рогами, которые могут составлять в длину, от головы до кончика рога, до 180 см.

– Да стой же спокойно, жирная корова, хватит дергаться! – выпалила я, словно раздраженный дятел, который начал по ошибке долбить по металлической стойке.

Колокольчик замычала и снова мотнула головой в сторону отца. Я врезалась коленом в металлическую панель и вскрикнула, чуть не выпустив рог. Тогда Колокольчик быстро сменила тактику: навалилась на доски, используя их в качестве рычага. Вот же черт, эти умные коровы меня доконают! Выскочившая с другого конца доска ударила отца, отчего тот отлетел в сторону.

Послышался крик, а после – приглушенный стук шлепнувшегося в грязь тела.

Уверена, отец, как и я, надеялся, что это грязь.

– Скажи мне, что ты не сломал шею! – воскликнула я, тяжело дыша и подавляя внезапно вспыхнувшее беспокойство. Мое колено пульсировало от боли, но из-за тревоги я почти этого не замечала. – Пап?

Молчание растянулось на целых пять секунд, показавшихся мне вечностью.

– Все нормально, – наконец сквозь смех прокричал он, и я с облегчением выдохнула, не сразу осознав, что все это время не дышала. Над коровьей спиной вновь показались его бейсболка и растрепанные темные волосы. – Я даже не увидел, как она вылетела. Когда-нибудь у нас будет нормальное стойло. Большое, со станком для фиксации головы.

– Обязательно будет. Просто нужно сыграть в лотерею.

– Я тебе вечно твержу: купи билет. Благодаря твоему везению всем нашим проблемам придет конец.

Я рассмеялась и, крепко схватившись за рог, снова потянула его на себя. Если бы это было так, я бы непременно наскребла несколько баксов и завтра же, несмотря на долгий путь, отправилась в город за пачкой билетов. Но везением всегда отличался мой старший брат, Томми. В конце концов, оно ему принесло много хорошего.

Из-за этих хаотичных мыслей над моей головой стусилось черное облако, а внутри, словно прокисшее молоко, свернулась печаль – давняя, но до сих пор не дающая покоя. Я встряхнула головой, отгоняя прочь тяжелый туман, и постаралась сосредоточиться на настоящей задаче. То, что случилось с Томми, – в прошлом. И уже слишком поздно что-либо делать.

Я наклонила голову и вытерла потное лицо об рукав. В конце лета в Техасе становилось адски жарко и влажно. Даже дождь, поливавший прошлой ночью, не сильно нам помог.

– Хватит витать в облаках, Джонсон, – с излишней серьезностью проговорила я. От пота мои ладони соскальзывали вниз. – Долго я ее не удержу.

Можно было бы предположить, что после смерти жены и старшего сына мой отец стал мрачнее смотреть на мир. Но нет, все уныние досталось мне. Вдобавок я лишилась еще и друга детства, который помогал мне нести это бремя. Но, во всяком случае, Рори – парнишка, с которым мы вместе росли, – обрел лучшую жизнь. У него, в отличие от мамы и Томми, было будущее.

Жаль только, он совсем обо мне позабыл.

– Почти готово, Уайлд, оталось всего два стежка, – заверил меня отец.

Я принялась медленно дышать, мышцы рук сводило судорогой от того, что приходилось долго сжимать рог.

– Глупая башка, – проворчала я, обращаясь к корове. – Тебе очень повезло, что ты нравишься одному из нас.

Колокольчик издала долгое, протяжное «му-у-у» и скосила на меня один глаз. Я чуть расслабила руки, решив, что животное начинает успокаиваться.

И крупно просчиталась.

Как только моя хватка ослабла, Колокольчик снова мотнула головой. Мои пальцы соскользнули к кончику рога.

– Пап, я не могу ее удержать!

Я понимала, что сейчас он не может проворно увернуться от коровы, поэтому отчаянно цеплялась за рог, скребя по нему ногтями. Все мое тело дрожало от напряжения.

– Быстрее! – прорычала я.

Отец, пригнувшись, сделал пару шагов от коровы – этого оказалось достаточно, чтобы она не смогла его достать. Стоило мне выпустить рог из рук, как Колокольчик задергала головой. Ее рога прорезали воздух там, где всего несколько секунд назад находился отец.

Я отступила назад, согнулась пополам и, тяжело дыша, уперлась руками в колени. Практически все тело – от плеч до икр – сотрясала дрожь. Завтра утром у меня точно будут болеть мышцы.

Зачем вообще нужен спортзал, когда тебе постоянно приходится укрощать коров?

– Отличная работа, Уайлд. Я успел наложить последний шов. Пусть несколько дней она побудет вместе с телянком отдельно от остальных коров, а потом вернешь их в стадо, – бросил через плечо отец, в его голосе сквозила боль. Эти указания он раздавал, пока медленно ковлял в сторону дома.

И я прекрасно понимала, почему он говорил на ходу. Боялся, что может больше не сдвинуться с места. В последний раз мне даже пришлось тащить его в дом на себе – что может быть унижительнее? Какому отцу захочется, чтобы его дочь-подросток возилась с ним? Уж точно не техасцу – упряму и мужлану до мозга костей.

– Поняла. – Я выпрямилась, вытянула руки над головой. В позвоночнике раздался протяжный хруст, по спине пробежала дрожь. Я потрепала Колокольчик по голове и почесала за ухом. – Ну и негодяйка ты, я тебе скажу. Он же просто хотел помочь.

Корова промывчала в ответ и лизнула мои джинсы, словно огромная собака. Теперь, когда ее больше не удерживали, она заботливо старалась не задевать меня рогами.

– Бессовестная негодяйка, – снова проворчала я. Затем, прежде чем выпустить корову из стойла, убедилась, что отец покинул крохотный загон. Она обязательно напала бы на него, несмотря на то, что он уже ничем ей не угрожал. В нашей округе папа слыл ветеринаром, а она страшно не любила врачей.

Я проследила, чтобы он вышел из главных ворот, а после заперла их за ним. Отец никогда не говорил, что за болезнь мучила его, просто называл свое состояние «недомоганием», как будто это все объясняло. По правде говоря, так оно и было. Во всяком случае, для моей матери, когда та еще была жива. И только детям ничего не пытались объяснить: стоило нам об этом спросить, как нас наказывали или же папа молча пожимал плечами, разворачивался и уходил. Мы и предположить не могли, что он сумеет пережить маму. Но жизнь любит время от времени бить тебя под дых. И нашей семье доставалось чаще всех.

Покусывая губы, я разглядывала раскинувшуюся передо мной ферму. Папин оптимизм несколько не менял ситуацию: наши счета росли, в то время как доходы постепенно падали – здесь могли помочь только деньги. Может, мне и вправду *стоит* сыграть в лотерею. Хуже не будет, к тому же несколько потраченных долларов за неделю нас не спасут.

Вздохнув, я отперла самодельное стойло и выпустила Колокольчик в небольшой загон.

– Ну вот и все, негодяйка, – пробормотала я, похлопав ее по бедру, когда она проходила мимо.

Корова тихим мычанием подозвала своего шестимесячного телянка, который все это время прятался в углу загона. Он подбежал к матери и принялся тереться об нее головой, пока та старательно вылизывала его.

Отсоединив две доски от общей конструкции стойла, я водрузила их себе на плечо и осторожно понесла к стене, где сложила вместе с остальными.

– Что за бездарно растрчиваемая жизнь, – раздался незнакомый голос.

Я вздрогнула и медленно развернулась. Передо мной, прислонившись к ограждению, стоял крепкий мужчина в очках-авиаторах, с короткой стрижкой ежиком. Странно, шуршания шин по гравию я не слышала.

Только посмотрев ему за спину и обведя взглядом окрестности, я поняла почему: он прибыл не на машине. Во всяком случае, ни одной не было видно поблизости.

Я нахмурилась. Незнакомцы редко заглядывали в эти края, и еще реже – пешком. Особенно удивительно, если в руках они при этом не сжимали Священное Писание.

В попытке потянуть время я направилась за еще одной доской, незаметно разглядывая его. Мужчина был ростом около шести футов, на несколько дюймов ниже меня; в его стройной фигуре и уверенной осанке безошибочно угадывалась сила. Он напоминал мне одну из пум, которые время от времени забредали на ферму. Даже когда они неподвижно замирали, в них ощущалось напряжение – в мгновение ока они могли броситься на тебя. Его квадратное лицо, с гладко выбритой челюстью, обрамляли бакенбарды.

Одежда на нем была темная и невзрачная, только на правом плече красовалась нашивка – символ из перекрещивающихся под разными углами красных линий. Издалека было трудно рассмотреть ее, тем не менее в моей памяти всплыло воспоминание. Точно такая же нашивка была на одной из маминых старых курток.

*Паутина Судьбы*³.

– Девочка, – произнес мужчина, явно теряя терпение.

– Сэр, мне восемнадцать, – поправила я его, перед тем как бросить на пол доску. Грохот позволил мне молча развернуться к нему. – Так что обращайтесь ко мне *девушка*. Или можете звать меня «дамой», если хотите оказаться с разбитой губой.

Мужчина злобно уставился на меня, под его тяжелым взглядом я чуть не попятилась назад. По моей спине пробежал холодок, инстинкты завопили: «*Опасность!*»

– Одним словом, уклонистка, – заключил незнакомец. Компромисс, к которому мы пришли, меня не слишком устраивал, но он даже не дал мне возможности возразить. – Где мальчишка?

– Неужели вам в школе не преподавали этику? – Внешне спокойная, я медленно отошла на пару шагов и облокотилась о забор. Исходящая от мужчины мощная энергия даже на расстоянии не позволяла мне расслабиться. Она выдавала в нем хищника. Стоило только показать ему страх, как я превратилась бы для него в добычу. Пусть о людях я знала немного, но в животных разбиралась отлично: он был не из тех, к кому можно повернуться спиной и надеяться спокойно уйти.

– Мальчишка был призван, – продолжил мужчина. – Я должен с ним поговорить.

– Это невозможно. Он еще не вернулся из школы. – Я сверилась с часами. – Как раз должен садиться в автобус. Но я бы на вашем месте не стала связываться с водителем, мисс Эвердин. Пока она развозит детей, ей не разрешается курить – от этого она ужасно бесится и превращается в настоящего зверя.

Незнакомец скривил губы в усмешке и слегка покачал головой.

– Как жаль, что ты решила отказаться от учебы. У тебя врожденный дар.

Он отступил на шаг, и я непонимающе нахмурила лоб. На учебу в колледже у меня не было денег, только какое ему до этого дело? Не потому ли он сказал про бездарно растрачиваемую жизнь? Но когда в кармане у тебя ни гроша, а выживание семьи зависит от тебя, ты вынужден оставаться на ферме.

– Проследи, чтобы мальчишка получил конверт, – произнес незнакомец, направляясь в сторону подъездной дороги. – Я зайду позже, чтобы обсудить детали.

³ Еще ее называют «Паутина Вирд». У скандинавских народов «вирд» – это судьба, карма, предназначение человека в этой жизни, его жизненная цель высшего порядка, предопределенная ему от рождения.

– Лучше бы вам обсудить с парикмахером ваши бакенбарды, – пробормотала я, наблюдая, как он молча удаляется, идя вдоль забора.

Я моргнула и перевела взгляд на наш дом. При мыслях о колледже меня пронзил укол сожаления. Все дети мечтают, кем они станут, когда вырастут, и я не была исключением. Но мне и в голову не приходило, что посредственные оценки и склонность пререкаться могут не позволить мне высадиться на Луне, стать ветеринаром или – подобные мысли посещали меня в особо тоскливые минуты – гробовщиком. Однако я оказалась права: мне помешали не оценки. А чувство долга.

Ну, и серьезная нехватка денег.

Наверное, мне стоило быть прилежнее в школе. И почаще держать рот на замке. Тогда, возможно, я получила бы стипендию, как Томми. Но с другой стороны, посмотрите, чем обернулся этот уникальный шанс. Его надежды на лучшую жизнь закончились свидетельством о смерти. Нет, уж лучше оставаться на ферме. По крайней мере, здесь мне известны все возможные угрозы.

Слова незнакомца, которые я прокручивала в голове, – он упомянул о каком-то конверте, но даже не удосужился мне его передать, – пробудили воспоминания. На моей коже капельками выступил холодный пот. Я обернулась к мужчине, чтобы кое-что у него уточнить, но... никого не обнаружила.

Он исчез.

– Этого не может быть, – тихо проговорила я. Прошлась по подъездной дороге, оглядела тянущееся за ней шоссе. Вокруг простиралась ровная, голая земля – я бы обязательно его заметила. Даже если бы он бежал, то не смог исчезнуть из поля зрения так быстро, да и я услышала бы шорох гравия. Тем не менее... его и след простыл.

Мое тело пробила дрожь, внутри поселилось предчувствие опасности. С этим мужчиной что-то было не так. Он нес с собой неприятности. Я ощутила это нутром.

Глава 2

Через час, после того как все дела на ферме были сделаны, я вошла в дом – покосившуюся, изъеденную термитами хижину, которая стояла здесь уже лет сто. Прошла на кухню и с гулко бьющимся сердцем и вихрем мыслей в голове уставилась на испещренный трещинами кухонный стол. Обычно беспорядочно заставленные кухонные поверхности теперь были чудесным образом прибраны. На столе царил порядок, все вещи были спрятаны по шкафчикам, мусор выброшен в мусорное ведро. Жестяные банки с сахаром и мукой, по большей части пустые, аккуратно расставлены рядом.

Мой отец явно не мог это сделать, особенно после всех ссадин, полученных на пастбище. А близнецы и подавно не стали бы этим заниматься, даже будь они дома.

В центре стола лежал большой желтый конверт, и при виде него в моей голове вспыхнули воспоминания о нашей последней встрече со старшим братом.

– Ребята, вы ни за что не поверите, что я только что получил! – Томми положил пухлый желтый конверт на чистый кухонный стол с таким видом, словно внутри него лежал слиток золота. Затем отступил назад и победно вскинул в воздух кулак. – Пришел какой-то парень и сказал, что у него особая доставка. Пока что конверт не для меня, но, пап... – На его губах играла безумная улыбка. – Наши молитвы были услышаны. Это то, чего мы так ждали.

– С чего ты взял? – Я подалась вперед, улыбка Томми оказалась заразительна. – Что это?

– Это... – Брат покачал головой и, протянув руку, осторожно коснулся конверта. Он был явно застигнут врасплох и никак не мог подобрать слов.

– Ну же! – усмехнулась я и встала рядом с ним. Меня переполняло предвкушение.

– Приглашение на испытания, – тихо закончил за него отец. – И в случае их прохождения – поступление в колледж.

Слова отца несли в себе странную тяжесть, в них тесно сплелись страх и надежда.

– Колледж? – переспросила я. – Но... я думала, мы не можем себе этого позволить?

– В том-то и дело, Уайлд, – просиял старший брат. – В этом конверте...

– Нет. – Отец встал, подтянул к себе конверт и накрыл клапан рукой. – Нет, Томас. Ты не станешь обсуждать содержимое этого конверта ни с кем, кроме меня. Твоя мать... – Челюсти отца упрямо сжались, как это бывало, когда наша мать еще была жива. Он отказывал ей нечасто; только изредка, если она пыталась настоять на том, с чем он был совершенно не согласен, он мог упереться рогом, как какой-нибудь твердолобый лонгхорн с нашего пастбища. Мне стало интересно, что же в этом конверте могло так его задеть?

– Томас, мы обсудим это с тобой наедине, только я и ты, – сказал он, отворачиваясь. – Посмотрим, что они нам предложат. Не хочу лишать тебя возможности из-за каких-то старых предрассудков.

Томми, глядя на меня, пожал плечами – по-видимому, он так же, как и я, ничего не понимал – и с блестящими от волнения глазами вышел из комнаты следом за отцом.

И вот три года спустя, снедаемая любопытством, я смотрела на такой же желтый конверт. Как и в прошлый раз, на нем ничего не значилось: ни имени, ни просьбы *не открывать*. Но я знала: этот конверт предназначался моему младшему брату Билли. Незнакомец, спрашивая о нем, называл его не по имени, а просто «мальчишкой». Тем не менее я была уверена, как и в том, что отец позволит Томми уехать в тот престижный колледж.

Кто бы ни отправил оба конверта, он стремился отобрать всех мужчин у нашей семьи.

Однако на этот раз я собиралась дать отпор.

– Пап? – позвала я, продолжая смотреть на конверт, как на шершня, оказавшегося со мной в туалетной кабинке.

– Я тут, Уайлд, – откликнулся он из гостиной. В нашем маленьком доме проблем с тем, чтобы слышать друг друга, никогда не возникало. – Решил немного передохнуть.

– Ты здесь недавно никого не слышал? – поинтересовалась я. У меня тряслись руки.

– Ты имеешь в виду близнецов? – Он помолчал. – Разве им еще не рано быть дома?

Я с досады встряхнула головой. Сначала незнакомец незаметно появился у нашего дома, потом испарился по пути к подъездной дороге, а теперь вдобавок это. Зачем он убрался на кухню и как умудрился сделать это тихо, не потревожив отца?

– Пап, тебе ничего не нужно? – прокричала я громче, чем ожидала.

– Нет, Уайлд, все нормально. Я полежу еще минутку, если ты не против.

В случае, когда он восстанавливал силы и здоровье, эта минутка могла растянуться на несколько дней. Мой старик был слишком гордым, чтобы называть вещи своими именами.

– Нет, пап, отдыхай.

Я схватила конверт и потянулась к ножу, висящему на поясе. О самой школе я почти ничего не знала. Брат прошел какие-то испытания, после чего был зачислен в академию. От этой новости отец сначала пришел в восторг, но тут же почему-то устыдился своей реакции.

В первый год учебы Томми (как и всегда) стал лучшим в своем классе. Ему досталось то, чего никогда не было у нашего отца – в чем тот сам признался как-то вечером, с трудом ворочая языком после нескольких выпитых по случаю праздника стаканов виски. И все было прекрасно... пока в одночасье наши жизни внезапно не перевернулись с ног на голову.

Однажды на пороге нашего дома появилось письмо, мол, Томми погиб в результате несчастного случая. Нам сообщили, что детали происшествия еще уточняются, но при этом никто не потрудился объяснить причину. А когда отец попытался все выяснить, то наткнулся на препятствия. Его стали игнорировать или делать вид, будто не знают, кто он. А тело Томми так и не отправили домой. Точнее, нам прислали сосновый гроб, но тот оказался пуст. Однако отец по непонятной мне причине не стал поднимать из-за этого шумиху. А когда я принялась умолять его, резко оборвал меня на полуслове, так же как и с распросами про его *недомогание*. Тема не подлежала обсуждению. И точка.

Никто из представителей школы или учеников не явился на похороны. Никто не принес нам соболезнований. Черт, даже Рори, давний друг нашей семьи – практически брат, настолько мы были с ним близки, – не потрудился приехать. Возможно, он ни о чем и не знал. У меня имелся лишь один его адрес – тот, с которого он прислал мне открытку. Таким образом, мы остались со своим горем наедине, в полном неведении о причинах трагедии и не имея возможности хоть что-то узнать.

После похорон отец больше ни разу не заговаривал о той школе. И продолжал надеяться на лучшую жизнь, словно однажды кто-то появится и спасет нас. Словно его мечты наконец сбудутся. Поэтому вся тяжесть потери Томми последние два года лежала на мне.

И вот все повторялось. Ненавистный конверт. Угроза смерти, нависшая над Билли.

Изрядно потертая рукоять ножа, изготовленная из кости лонгхорна, уютно легла в ладонь. Родители сделали его для меня давным-давно, когда я только начинала помогать им на ферме. Когда наша семья была полной и счастливой.

Еще до непонятных несчастных случаев, один из которых забрал у меня маму, и призрачных школ, которые не позволяют проводить расследование и никак не объясняют загадочную смерть одного из своих учеников. Когда наша жизнь еще была нормальной.

Я просунула сверкающее лезвие в прорезь конверта и провела им сверху, разрезав бумагу с резким звуком.

Тяжело дыша и крепко сжимая нож на случай, если внутри окажется что-то мерзкое, я взяла конверт за угол и высыпала его содержимое. На деревянный стол со звоном выпали

металлические подвески, за ними следом серебристый конверт и блестящие новенькие смарт-часы. А потом пачка денег, скрепленная толстой резинкой. При виде верхней купюры у меня округлились глаза. А пролистав стопку, я чуть не задыхнулась.

Одни столларовые банкноты. Все до единой.

Неудивительно, что мой брат был на седьмом небе от счастья, когда получил конверт.

Я скривила губы от отвращения.

Теперь они намерены тем же образом подкупить моего младшего брата. Обречь его на смерть, как Томми.

Черта с два.

На меня нахлынули непрошенные воспоминания. Набеги на продуктовые магазины – в результате чего кладовка, шкафы и сарай были забиты едой, которой хватило бы на год. Вещи, по заверениям брата, украденные с помощью Рори в одном крупном магазине Далласа. Мне вспомнилось, как отец что-то бормотал про дареного коня и полную стипендию, упиваясь чувством вины и одновременно сияя от гордости.

В то время я не понимала, почему он испытывает такие противоречивые эмоции. В пятнадцать лет я все еще отличалась легкомысленностью. А близнецы были достаточно взрослыми, чтобы радоваться внезапно привалившей удаче, но слишком юными, чтобы понимать ее причину.

Пока я стояла у стола над деньгами, каких никогда не видывала в своей жизни, в моей памяти всплыло еще одно воспоминание.

Мы с Томми и Рори сидели под плакучей ивой, растущей в дальнем конце фермы. Стоял душный летний день, как сегодня. На следующее утро Томми собирался отправиться в академию, и это было нашим прощанием. Вдруг Рори подался вперед, заглянул Томми прямо в глаза и произнес: «Никогда не доверяй тому, кто закидывает тебя деньгами, Танк. У таких людей денег больше, чем здравого смысла, а нравственности и того меньше. Думай быстро, заводи друзей медленно или не заводи вообще».

Это был хороший совет. Совет, которому, скорее всего, следовал сам Рори, где бы он ни находился.

Меня охватила знакомая грусть. Через год после того, как Томми уехал от нас, Рори отправился на Запад, толком даже не попрощавшись со мной. Он просто подсунил мне записку в окно, как делал это многие годы, только на этот раз в ней не было слов «давай встретимся в яблоневом саду» или «я нашел запасы фейерверков». Эта записка морально раздавила меня.

«Уезжаю на Западное побережье. Вслед за своей мечтой. Береги себя, Уайлд». Вот и все, что было в той записке, которую он, как всегда, подписал отрывисто – «Р.». С тех пор я больше ничего от него не получала, кроме пары открыток. Очевидно, он решил окончательно порвать с захолустным городишком, в котором родился, и своей непростой жизнью здесь.

Я тяжело вздохнула. По крайней мере, он жив. Я на это очень надеялась, хотя его отец ни за что бы нам не сообщил, даже если бы с ним что-то случилось.

Затем опустилась на стул и со стуком поставила локти на кухонный стол. Передо мной лежало содержимое конверта. Не в силах сдержаться, я пристроила рядом с пачкой денег ладонь – хотела приблизительно измерить ее высоту. Чуть больше четырех дюймов или около того.

Мне вспомнился первый год учебы Томми в академии. Вспомнилось то богатство, которое на год обеспечило нас продуктами, одеждой и всевозможными удобствами. Проработав несколько лет на ферме без какой-либо посторонней помощи, я стала разбираться в финансовых вопросах и только могла догадываться, сколько денег было в этой пачке. Судя по всему, около сорока тысяч долларов. Может, больше. В любом случае необходимо пересчитать, хотя до возвращения близнецов домой у меня не оставалось времени.

Будто подслушав мои мысли, часы над кухонной дверью пробили три раза, и я подпрыгнула от неожиданности. Потом медленно выдохнула, успокаивая нервы. Неужели уже три часа? Я потеряла счет времени.

Стараясь не обращать внимания на трясущиеся руки, я схватила смарт-часы – по моему телу прокатилась дрожь, холодный ветерок прошелестел вдоль руки к плечу. Быстро сунула их в конверт, а следом за ними деньги, боясь, что не смогу выпустить их из рук. Как только все вещи были убраны, я, схватив сверток, бросилась наверх в свою комнату – единственную на третьем этаже. Мне хотелось обо всем поговорить с папой наедине, но близнецы должны были вернуться с минуту на минуту, так что сейчас не самое лучшее время. Разговор придется отложить до вечера.

Раньше за отодвигаемой половицей под кроватью находился мой любимый тайник, но папа с близнецами прознали о нем и теперь регулярно проверяли, не припрятала ли я там вкусную шоколадку. Я медленно огляделась. Комната у меня была небольшая, так что вариантов имелось не так много.

– Шкаф, – проговорила я и сунула конверт в старый рюкзак. На время сойдет.

Через десять секунд внизу раздался топот ног, возвещающий о приходе близнецов: грохотав по деревянному полу, они ринулись вверх по лестнице.

– Ну-ка сбавьте скорость, пока не треснули доски! – крикнула я из своей комнаты.

– Привет! – В двери показалась голова Сэм, ее непослушные рыжие кудряшки торчали во все стороны, напоминая живое существо. – Что у нас на ужин?

Я покачала головой – несколько темных прядей выбились из хвоста – и поспешила к двери. Протискиваясь мимо сестры, ответила:

– Не знаю. Сегодня был трудный день.

Билли я повстречала на лестнице по дороге вниз. Он стоял с поднятыми вверх руками, на его лице читалось изумление.

– Как это ты не знаешь?

– Я оставляю решение за своими единственными и лучшими учениками, которых обучаю кулинарному искусству. – Я уперлась рукой в стену, чтобы обогнуть его, и перепрыгнула через последнюю хлипкую ступеньку. Ее следовало заменить, а у меня все руки не доходили.

– Ты учишь людей готовить? – Билли вслед за мной сбежал с лестницы и застыл на пороге кухни. – Но ты же сама не умеешь. Максимум, чему ты способна научить, – как не сжечь еду.

– Тогда я с нетерпением жду, когда ученики превзойдут своего учителя. Подходите-ка сюда, неучи, мы начинаем урок!

Как только сказанное дошло до Билли, его глаза округлились.

– У меня домашняя работа, – выкрикнул он, пятясь назад. – Очень много домашней работы. На летних курсах столько задают.

– У меня тоже, – добавила Сэм и врзлась в спину брата, не успев вовремя притормозить. – А еще работа по хозяйству.

– Да, работа по хозяйству! – вторил ей Билли.

С ухмылкой на лице я достала из шкафчика сковородку.

– Уверены, что не хотите мне помочь? Вы могли бы полностью распланировать меню. – Сдерживая эмоции, я повернулась к ним спиной. Если они заметят, что я расстроена, то начнутся расспросы. А они и без того находятся в постоянном ожидании чего-то плохого. Но их нельзя в этом винить. К своим шестнадцати годам они пережили столько потерь и невзгод, сколько не доводилось большинству людей среднего возраста. – Только представьте, вы сможете заранее продумать блюда на целую неделю вперед и всегда будете знать, что вас ждет на ужин. Насколько было бы проще, а?

Билли почесал затылок; у него были такие же непослушные волосы, как у Сэм, только темные. Пусть они и родились близнецами, но являлись полными противоположностями друг друга.

– Я, наверное, предпочту, чтобы каждый вечер меня ждал сюрприз.

– Я тоже предпочту сюрприз, – согласилась с ним Сэм, а потом снова набросилась на меня. – Слушай, Уайлд. Помнишь того мальчика...

– Го-о-о-осподи, только не опять, – простонал Билли, а я откликнулась натянутым смехом. В любой другой день рассмеялась бы по-настоящему.

Сэм нахмурилась и одним стремительным движением вскинула руку, отвесив брату подзатыльник.

– По крайней мере, я со своим объектом воздыхания могу общаться лично. А вот ты от своей мисс Готки, как ее там, видел всего пару фоток и несколько слов на экране! Ну и как у нас дела в групповом чате, дедуля?

Лицо Билли побагровело.

– Ты просто завидуешь, что у меня на «Фейсбуке» больше друзей, чем у тебя.

– «Фейсбук» – для стариков.

– Жаль, кроме допотопного компьютера из библиотеки у меня ничего нет, иначе я мог бы пользоваться снэпчатом, – пробормотал Билли.

Я неловко скривила губы, жалея, что не могу купить им крутые новенькие гаджеты – или, на худой конец, поддержанные. У меня самой не было ни сотового телефона, ни компьютера – я просто не могла их себе позволить. Поэтому, если требовался интернет, мы пользовались компьютерами в библиотеке или в средней школе. То же самое касалось и социальных сетей, которых, к слову, у меня даже не имелось. Но это было неважно, все равно у меня не осталось друзей, с кем можно общаться.

– Однажды я выйду замуж за этого парня, – заявила Сэм. – И он станет твоим зятем. – С этими словами она вздернула нос и посмотрела на брата свысока. Мол, только попробуй что-нибудь сказать.

– Можешь выйти за него замуж хоть завтра, тогда твоя комната достанется мне. – Билли ухмыльнулся и стащил со стола яблоко.

– Скорее всего, он переедет сюда, и тогда ты вообще лишишься комнаты, – поддразнила я его.

Сэм злобно уставилась на брата, сильно прищутив глаза, отчего те превратились в две щелочки. Некоторое время они стояли молча, словно две оценивающие друг друга кошки, а потом сорвались с места и выскочили из дома. Билли неслся впереди, Сэм бежала следом, крича, что он придурок.

– Следите за языком! – крикнула я им вдогонку, хотя и не ждала, что они прислушаются к моему замечанию. Мама пыталась воспитывать нас послушными детьми, не ругающимися и не повышающими голоса, и хотела бы, чтобы я взяла ее роль на себя.

Вот только справлялась я с ней отвратительно. Впрочем, и она не лучше – я тому доказательство.

Как только на меня вновь обрушилась реальность, улыбка сползла с моего лица. Я привалилась к кухонной стойке. Надо решать проблемы по мере их поступления. Ужин. Мне необходимо приготовить ужин. Покупной еды у нас всегда было немного, зато имелся домашний скот и навыки в садоводстве. Месяц назад мы зарубили одну из наших старых коров, Аннабель, и теперь ее мясо лежало в морозилке, а значит, питались мы лучше, чем многие живущие за чертой бедности.

Все то время, пока готовила ужин, я продолжала обдумывать различные варианты того, что мне делать дальше.

– Пап? – позвала я, когда помешала на сковороде мясо в подливке. Близнецы занимались своими обязанностями по хозяйству, так что было самое время поговорить с ним наедине. Может, осталась единственная возможность, прежде чем он, согласно своему режиму, рано отойдет ко сну.

– Да, Уайлд? – откликнулся отец хриплым голосом. Я прекрасно понимала, что он прилег вздремнуть – еще одна его повседневная привычка, – но разговор больше не мог ждать.

Я сняла мясо с огня, быстро вымыла руки и взяла кухонное полотенце, чтобы вытереть их. Теребя ткань и наматывая ее на кулаки, направилась в гостиную, расположенную в передней части дома.

Отец полулежал в кресле с откидной спинкой, под его ногами покоился валик, а голову подпирала подушка.

– Я как раз собирался вставать, – пробормотал он, прикрыв глаза, но с места не сдвинулся. Эту ложь он произносил так часто, что мы давно стали делать вид, будто так оно и есть.

Сглотнув, я кивнула. Черт, это оказалось даже сложнее, чем я думала.

– Хочешь меня задушить? – Отец поднял дрожащий палец и указал им на кухонное полотенце, которое я растянула в руках.

– Нет, подожду, пока ты окажешься ко мне спиной. Так проще. – В подтверждение своей шутки я усмехнулась, но улыбка не отразилась в моих глазах. Сделав глубокий вдох, я перешла к сути дела. – Послушай, я тут думала о Томми. Думала о той стипендии...

– Нет, мы не будем это обсуждать, – отрезал он.

– Нам придется, – мягко настояла я. Смерть Томми принесла боль не только ему одному, поэтому я старалась не слишком на него давить. – Папа, я знаю, что тебе не хочется, но мы обязаны. Я уже не ребенок. – Меня охватило желание взять его за руку, но я передумала. Не потому что мне было все равно, а потому что я ощущала в его фигуре напряжение. Он не хотел рассказывать мне о произошедшем.

– Почему именно сейчас? – нахмурился он. – Почему ты говоришь, что мы обязаны?

– Ты доверяешь мне? Расскажи, что случилось с Томми, какую роль в этом сыграла стипендия.

Казалось, его лицо побледнело, но он быстро взял себя в руки.

– Мне нельзя об этом говорить, Уайлд. Не только потому, что мне не хочется вновь это переживать. – Папа потер ладонью лицо и только спустя минуту снова заговорил: – Ладно, я расскажу тебе все, что могу. – Он с усилием сглотнул, исходящее от него напряжение в считанные секунды переросло из сдерживаемого страха в боль. – Я не должен был его отпускать, – прошептал он, звучащая в его голосе скорбь пронзила меня стрелой. Он закрыл глаза. – Твоя мать была права с самого начала, да упокоит Господь ее душу. Я был ослеплен гордыней и надеждой. Это было худшее решение, какое я когда-либо принимал. Я верил, что он будет в безопасности. Что именно он победит систему.

Мое сердце чаще забилося. Папа знал об угрожающей Томми опасности?

– Он... он получил деньги за то, что отправился туда? – спросила я, желая удостовериться. – А еще часы и несколько... подвесок?

– Эти деньги не стоили его жизни. Они не стоили его смерти. Все дело в тщеславии, Уайлд. Моему мальчику предложили то, о чем я мог только мечтать... и я хотел прочувствовать это через него. – Папины темные глаза с мольбой смотрели на меня в тусклом свете комнаты. – Я хотел, чтобы он добился большего, чем его сломленный старик. Большого, чем этот изувеченный мешок с костями. Я все гадал, станет ли он таким же, как его мать. Будет ли обладать подобной силой. Она ведь была поистине грандиозна. Как жаль, что ей пришлось от всего отказаться из-за слухов о проклятии. Из-за глупостей...

Поджав губы, он разочарованно покачал головой.

– Но все это время она была права. Если б только я послушался ее. Если б исполнил данное ей обещание, Томас был бы в безопасности. Он был бы сейчас с нами, здесь, живой и невредимый.

Я глядела на отца, разинув рот, ощущала всю глубину его слов, как если бы стояла на вершине айсберга и недоумевала, сколько же всего скрывается под водой. И пусть он сообщил мне больше, чем когда-либо рассказывал, по большей части его речь была абсолютно лишена здравого смысла.

– А что, если придет еще один конверт? – тихо поинтересовалась я, уже зная, что он скажет.

Или, во всяком случае, думая, что знаю. Потому что ответ отца меня удивил.

– Я жду этого до сих пор, – решительным тоном заявил он. – Твоя мама с самого первого дня почувствовала в тебе силу, Уайлд. С первого твоего крика. С тех пор твоя сила только расцвела. Она развивалась не волнообразно, как у остальных. А росла и крепла. Больше всего твоей маме хотелось спрятать тебя. И она пыталась это сделать. Одна мамина подруга с помощью ее крови скрыла заклинанием это место. Но после ее гибели магия крови рассеялась. Как только они пришли за Томми, я понял, что следующей будешь ты. Лишь вопрос времени, когда это произойдет.

Магия крови. Заклинания. Сила. От его слов у меня по телу пробежала дрожь, я ощутила страх и... волнение. Только теперь до меня дошло значение его слов.

В этот момент я наверняка походила на большого окуня, широко разевающего от удивления рот.

– Я? Обладаю силой? – ошарашенно проговорила я. Мама часто рассказывала нам перед сном разные истории про магию, но все они были не более чем сказками. Неужели из-за болезни отец повредился умом?

Он не обратил внимания на мой вопрос.

– Кто-то приходил с конвертом?

– Да, но...

Папа медленно покачал головой.

– Нет, Уайлд. Никаких но. Мы не будем с ним говорить. Ты сама видела, что произошло с Томми. Это слишком опасно. Томми был их мишенью, а ты – еще большая, чем он. Твоя мать покинула то место ради нашей безопасности. И ты будешь избегать его по той же причине.

У меня никак не укладывалось в голове все сказанное им. Его признание было из тех, что способны перевернуть все твои представления о мире. Черда вопросов выстраивалась у меня в голове, словно отряд игрушечных солдатиков. Что за место покинула мама? Речь об академии, где учился Томми? Почему там было опасно?

– Но... – начала я.

– Нет, Уайлд, это решенный вопрос. – С этими словами папа прибавил громкость на телевизоре, тем самым прекращая разговор. – Верни им деньги. Все вещи, до единой. Они не получат еще одного моего ребенка. *Ни за что!*

Отец устремил взгляд в экран. Некоторое время я смотрела на него, а потом развернулась и как в тумане поплелась на кухню. В голове роилось множество мыслей. Что значит моя сила продолжала расти? Отец имел в виду физическую силу? Безусловно, я была гораздо сильнее обычной девчонки своего возраста, но всегда связывала это со своей непростой жизнью и необходимостью иметь дело с крупными животными. Девушке, чтобы работать на ферме наравне с мужчинами, нельзя было обойтись без определенного запаса сил.

Но как все это было связано со стипендией колледжа, включающей пачку денег, модные часы и подвески? И почему мы с Томми стали мишенями? Мишенями для чего?

Для меня происходящее казалось лишено всякого смысла, включая визит странного парня с бакенбардами, который каким-то образом проник на нашу территорию. Не говоря уже

о том, что конверт предназначался вовсе не мне. Что бы там ни думал отец, он явно ошибался на этот счет. Кроме, конечно, одного: ему следовало сказать Томми нет, когда тот собирался уехать.

Внезапно мне стало понятно, откуда взялось то чувство вины, которое я все эти годы замечала в отце. Мама знала, что Томми сделают предложение из этого колледжа, а потому взяла с папы обещание не соглашаться на него. Вот только отца сбили с толку воодушевление и желание прожить другую жизнь за счет Томми.

И все же мне не давала покоя одна мысль: почему конверт получила не я, если, по заверениям отца, так была им нужна? Они почему-то проигнорировали меня.

«Как жаль, что ты решила отказаться от учебы. У тебя врожденный дар».

Так мне сказал тот мужчина с бакендардами, как будто я сама решила пренебречь обучением. Словно уже отказалась от приглашения. Но с другой стороны... отец спросил, не приходил ли кто-то с конвертом. Ведь так?

Я отогнала прочь эту мысль. Прошное уже не имело значения. Важно было лишь то, что конверт прислали Билли, который еще совсем мальчишка.

И тут меня осенило: ведь Сэм, как и я, тоже ничего не получила. Что бы там папа ни говорил, моя первая мысль оказалась верной: этот колледж, чем бы он ни являлся на самом деле, охотился на молодых людей нашей семьи. Он стремился их истребить.

Но все по порядку. Для начала мне следовало выяснить, что собой представляет это заведение.

Глава 3

Через два часа, после того как я, подав ужин, с трудом скормила близнецам овощи, меня ждала спасительная тишина моей комнаты. Я тихонько прошмыгнула в нее и закрыла за собой дверь. Желтый сверток по-прежнему лежал в шкафу, там, где я его и оставила. Достав конверт, я бесцеремонно высыпала его содержимое на кровать. Первыми выпали пять фигурок-подвесок, которые что-то мне напоминали, но я никак не могла понять что. Фигурки были крохотными, размером чуть больше четвертака, но при этом объемными. Нож, могильная плита, отпечаток ноги, маленькая ветвь и пустая монетка. Я покрутила их между пальцев, а потом бросила обратно на кровать. Никаких догадок.

Тогда я решила заглянуть в серебристый конверт. Если где и могли находиться нужные мне ответы, так это там, в этом я была уверена.

Быстрым движением ножа я вскрыла конверт и вынула карточку из плотной бумаги с резными краями. Как только моей кожи коснулась поверхность открытки, по моим пальцам пробежала слабая вибрация. В полном замешательстве я смотрела, как тисненые буквы сами по себе начали проявляться на кремовом картоне: они кружили, плясали и складывались в слова.

– Что за чертовщина?

Я поднесла карточку к свету и наклонилась к ней ближе, но при внимательном рассмотрении оказалось, что слова стоят неподвижно. Должно быть, из-за папиных рассказов о магии у меня разыгралось воображение. Когда мой взгляд заскользил по строчкам, пот выступил на лбу и заструился по лицу, одна капелька упала на бумагу, рядом со словами, которые я была бы не в силах стереть из памяти. Слова, хуже которых не могла вообразить.

«Билли Джонсон!

Вы приглашены пройти Отборочные испытания.

Запомните, это не вы выбираете Академию.

А Академия выбирает вас.

Просьба явиться по указанному ниже адресу в течение сорока восьми часов, в противном случае ваша семья умрет.

Время пошло».

Некоторое время я ошеломленно смотрела на слова, намного дольше, чем требовалось, учитывая последнюю строчку, а потом встряхнула карточку в надежде, что буквы перестроятся в более приятные предложения. Разумеется, ничего не произошло. Мое зрение меня и раньше уже обманывало.

Я перевернула записку, поискала на обратной стороне телефон службы поддержки или надпись о первоапрельской шутке. Был конец июля, но вдруг кто-то уже начал устраивать розыгрыши? Однако ничего не обнаружила, лишь белое пространство бумаги.

Тогда я пригляделась к указанному в приглашении адресу. Где-то в северной части Нью-Йорка.

«Кристал Лейк Уайлд Форест, Роско, Нью-Йорк».

Написанные чернилами слова сверкали блесками, словно письмо с угрозой моей семье было творческой поделкой маленькой девочки.

Да и послание казалось полной нелепицей. Что за колледж мог запугиваниями заставить учеников к ним приехать, пройти там обучение? В каком мире такое возможно?

Тот колледж, который замалчивает смерть своих студентов.

Я стиснула зубы: до меня наконец стал доходить смысл сообщения. Я практически ощущала скрывающееся за тисненными буквами твердое намерение: ты приедешь, несмотря ни на что, но если нам придется применить силу, твоя семья умрет.

Я бросила взгляд на смарт-часы, лежащие на кровати, их экран оставался непроницаемо-черным. Они даже прислали свой хронометр. Какая забота.

Если бы Томми достались часы, я непременно их увидела. Он бы весь лопался от гордости и обязательно их носил. К тому же он не мог получить подобное приглашение – невозможно светиться от радости, потому что тебя приняли в колледж, угрожая при этом твоей семье.

Я права?

Однако учитывая, сколько скелетов повываливалось из шкафов в последнее время, я уже не была ни в чем уверена. Так что пора как следует надавить на отца и узнать всю историю.

Я быстро, но бесшумно, чтобы близнецы не выскочили из своих комнат, сбежала по лестнице. Вошла в гостиную и тихонько потрясла дремлющего отца за плечо. По всей видимости, он даже не потрудился перебраться в постель. Как обычно.

– Пап.

– М-м-м? – Его глаза распахнулись, взгляд не сразу сфокусировался на карточке, находящейся в метре от его лица. – Что это?

– Пап, в конверте, полученном Томми из колледжа, было такое приглашение? – спросила я.

– В конверте... что? – Он протер глаза и попытался сесть.

Я взмахнула карточкой, привлекая его внимание к блестящей открытке.

– Томми получал что-нибудь подобное? – повторила я.

Папа насупил брови, его сонливость как рукой сняло, а взгляд скользил по строчкам.

– Что... Нет. Томас ничего такого не получал. Только сообщение об отборочных испытаниях, но точно не угрозу. Значит, вот как теперь у них делаются дела? Должно быть, они отстранили от дел все старинные роды. Семейство Хеликсов никогда бы не потерпело подобного. Постой-ка... это? – Отец взял у меня карточку, отвел ее от лица, чтобы лучше видеть. – Здесь указано имя Билли. Этого не может быть. – У него затряслась рука, когда он поднял на меня взгляд, в глазах застыл страх.

– Да. – Я забрала у него помятое приглашение. – Конверт пришел не мне. А Билли.

– Но... – Отец с трудом опустил нижнюю часть кресла, чтобы нормально сесть. – Билли еще учится в средней школе. Он не готов идти в колледж.

Я еле сдержалась, подавив желание смять карточку в руке.

– Знаю. И он никуда не поедет. Папа, что это за место? Это вообще законно? Ты должен мне все рассказать. Мы обязаны придумать, как их остановить.

Отец со вздохом потер висок узловатым пальцем.

– Боже милостивый, неужели это происходит? Только не опять. – Он протянул мне пустой стакан. – Принеси-ка еще эликсира, Уайлд, – тихо попросил он.

Поскольку в наших обстоятельствах денег на виски не хватало, отец был вынужден довольствоваться самогоном, который любил называть «эликсиром». У нас хранились две бутылки: их мне подарили соседи за то, что я изловила волка-одиночку, который терроризировал наш скот. Отец редко его пил, только на Рождество или по особым случаям – или же тогда, когда жизнь и боль становились особо невыносимыми.

– Конечно, пап, – сказала я и сжала зубы, не желая поддаваться отчаянию. Последние несколько лет всеми делами на ферме заправляла я. И пока что у меня неплохо получалось удерживать нашу семью на плаву... во всяком случае, мы еще не потонули. Поэтому я знала, мы обязательно найдем выход из этой ситуации, чего бы нам это ни стоило. Билли не закончит жизнь так, как Томми.

Когда я вошла на кухню, мое внимание привлекло что-то желтое – на кухонном столе меня ждал второй конверт.

– Вот же дрянь... – Я умолкла, и по моей спине пробежал холодок.

Он снова был здесь – тот мужчина с дурацкими бакенбардами. Или кто-то другой. Все это время мы находились дома, занимались своими делами, и никто из нас не заметил постороннего. Будто он какой-то призрак!

– Билли! Сэм! – позвала я. Конечно, было маловероятно, но я все же тешила себя слабой надеждой, что ошибаюсь. Что это они принесли конверт домой из летней школы.

Не дождавшись, пока близнецы откликнутся или выглянут из своих комнат, я рванула к задней двери и распахнула ее настежь. Наверняка тот человек все еще где-то здесь, хотя я не слишком-то надеялась его обнаружить.

Первые сумерки только опускались на раскинувшиеся в стороне от дома поля, но уже плотно окутывали коровник. Густую вечернюю тишину нарушило глухое мычание, гаснущий день вибрировал от стрекота сверчков. Обычно я очень любила это время, но теперь всю его прелесть нарушил незванный гость. Безмятежность этого часа пропитала опасность.

Я включила на крыльце свет и подбежала к краю потрескавшейся бетонной дорожки. Прищурившись, всмотрелась в сгущающуюся темноту и в сумерках сумела разглядеть четкий отпечаток ботинка на влажной земле. Единственный след, как будто он специально оставил его, чтобы сообщить мне о своем присутствии... прежде чем снова исчезнуть.

– Что такое? – Из дома на темный двор выбежала Сэм. Я обернулась к ней: руки уперты в бока, брови удивленно изогнуты. – Что случилось?

Следом за ней показался нахмуренный Билли.

– В чем дело?

Резко развернувшись, я зашагала к ним.

– Вы слышали, чтобы кто-нибудь входил?

Близнецы в замешательстве огляделись по сторонам, дерзкий настрой Сэм быстро испарился.

– Куда? – спросила она, когда я быстро прошла мимо нее. – Ты имеешь в виду, в дом?

Значит нет.

– Закройте дверь, – гаркнула я, из-за тревоги став резче обычного. – И запирите. На все замки.

– Что происходит? – спросил Билли, вбежавший в дом следом за Сэм. Не дожидаясь ответа, он задвинул засов и заблокировал дверную ручку.

– Все повторяется. – Отец неровной походкой приблизился к двери на кухню и, чтобы устоять на ногах, уперся крупным кулаком в дверной косяк. Поспешив к нему на помощь, Сэм скользнула под другую его руку. Он встретился со мной взглядом. – Уайлд, мы не можем его отпустить. Они убьют его. Томас был лучшим в классе: если уж он не справился, то Билли и подавно не сможет.

– Я? – Билли указал на себя. – Что я такого натворил? Клянусь, это был не я!

– Кому-то совесть покоя не дает, – пробормотала Сэм. В ответ брат зыркнул на нее.

– Постой, – вскинула я руку. – Не гони лошадей. Никто Билли никуда не заберет. Сэм, Билли, отправляйтесь в постель.

Билли замотал головой.

– Если дело во мне, я имею полное право...

Я взглядом заставила его замолчать.

– Дело *не* в тебе. А во *мне*. А теперь быстро наверх. Оба. Ложитесь спать. Поговорим об этом завтра.

Близнецы не спешили уходить, поскольку, как и я, прекрасно знали, что в этом доме ничего не обсуждается. Я указала пальцем на лестницу.

– Идите сейчас же. Дайте мне поговорить с отцом. Мы все уладим.

Они принялись что-то обиженно ворчать себе под нос, но хватило одного строгого папиного слова, чтобы отправить их наверх. Я дождалась, пока двери их комнат хлопнут, схватила второй желтый конверт и надорвала его. Внутри оказалась пачка бумаг. Пять символов невообразимо ярких цветов, украшающих верх страницы, соответствовали тем подвескам, что лежали в первом конверте. Я просмотрела текст, хотя папа уже пересказал мне его содержимое.

– Это школа для исключительных людей, – невнятно проговорил он. Потянулся и схватился за спинку стула. Я взяла его за руку, ощутив в нем прежнюю, пусть и едва уловимую, силу. Стиснув его ладонь, помогла ему опуститься на стул. Затем продолжила изучать дополнительные пункты, пока он рассказывал дальше: – Лишь привилегированные люди могут учиться там, Уайлд. И эти привилегии касаются не денег, а *дара*. Магического дара.

Я уставилась на него как баран на новые ворота – в полнейшем недоумении.

– Повтори, что ты сказал?

Но он, похоже, меня не слышал.

– Я тоже, как и все в моей семье, получил приглашение, но... – Его голова поникла. – У меня не было того, что они искали. Я был полным нулем. Магическим ничто... должен был обладать хоть чем-то, но нет.

– *Магическое*... ничто, – повторила я. Мы снова вернулись к бессмысленным словам.

– А вот твоя мама... Она была выдающейся, – продолжал он обрушивать на меня поток информации. – Талантливая. Такая же красивая, как ты, с длинными темными волосами и янтарно-золотистыми глазами. На любом балу она становилась королевой. И, конечно же, как и Томас, была лучшей в классе. Я не смог обучаться в академии вместе с ней – не прошел испытания, – но всегда оставался рядом и поддерживал ее. Стал работать на ферме. – Он выставил вперед ладони. – Твоя мама не часто об этом говорила, но из академии она ушла из-за какого-то семейного проклятия. Навсегда отказалась от мира магии и хотела, чтобы ее дети тоже держались от него подальше. – Он покачал головой. – Так должна поступить ты. Так должен был поступить Томас. Но я отпустил его. Это моя вина...

У папы слегка заплетался язык. Интересно, сколько самогона он выпил? В любом случае он точно верил в то, что говорил. Все эти фантастические идеи казались ему реальными. По крайней мере сейчас, когда алкоголь затуманил его разум.

– Он сам хотел уехать, – возразила я, ловя каждое папино слово, пытаюсь осмыслить все, вникнуть в суть. Затем положила руку на его исхудавшее плечо. – Он бы все равно настоял и добился своего. Он бы считал, что поступает правильно. Деньги, хорошее образование с перспективой хорошей работы – ты бы не смог его остановить. Никто из нас не смог, даже если бы мы знали, чем это закончится.

Хотя у Рори, возможно, получилось бы, внезапно подумала я. Томми не раз обращался к нему за советом и всегда прислушивался.

Отец тяжело вздохнул и потер шею.

– Наверное, ты права. – Он помолчал и покачал головой. – Я-то думал, они с тем соседским мальчишкой смогут присматривать друг за другом, как это бывало в детстве.

На меня, оглушая, обрушился новый поток сведений.

– Постой, ты сейчас говоришь про Рори?

Папа покачнулся.

– Когда-то мы с Пэм Уилсон отлично ладили. Они с твоей мамой были не разлей вода. Некоторое время вместе учились в школе. А потом твоя мама умерла, и тот мерзкий кретин, ее муж, сильно запил. Он всегда был неприятным типом. Я просил Пэм уйти от него, обещал помочь, но что я мог сделать? А потом в городе появилась Эмилия. Они с твоей мамой тоже дружили...

– Пап. – Я склонилась к нему и коснулась его руки, пытаюсь вырвать из воспоминаний прошлого. В памяти всплыло, как наши с Рори мамы вместе сидели за кухонным столом с бокалами хереса и смеялись, но это было очень давно, когда мама была еще молода, полна жизни, а папа не измучен болезнью. – Что там насчет Рори? Он тоже отправился в тот колледж?

– Паршивый ублюдок разбил мне губу, помнишь? – Папа провел ладонью по лицу. – Я никогда не видел такой скорости.

Он говорил о Баке, отце Рори. Обычно тому даже повода не требовалось, чтобы поразмахивать кулаками. Вот только я спрашивала про сына Бака. По всей видимости, в папином сознании началась путаница в хронологии событий и людях. Сейчас у меня не было ни времени, ни особой причины во всем этом разбираться. От Рори мне приходила пара открыток из Невады – то есть он находился в противоположном конце страны от школы, где учился Томми. К тому же Рори никогда мне не врал. Единственная клятва, которую мы дали друг другу, – всегда говорить правду.

Я тяжело плюхнулась на стул напротив отца, моя рука соскользнула с его плеча. В его словах чувствовалась искренность, а еще – действие алкоголя. Трудно было понять, где заканчивается реальность и начинается фантазия. Тем более после такого количества выпитого самогона.

– Я так понимаю, это договор? – Я пролистала пачку бумаг и тут же нашла ответ на свой вопрос. Вся информация, вплоть до мельчайших деталей, содержалась в последнем разделе.

Если Билли прибудет на испытания, все деньги из приветственного набора останутся у него; если он получит место в академии, сможет претендовать на финансовую помощь. Все мы обязаны хранить молчание: если кто-то из нас обмолвится хоть словом, поплатится жизнью. И уже в самом низу шла приписка: «В случае если АБИТУРИЕНТ не явится на Отборочные испытания, это будет считаться нарушением договора, и семья АБИТУРИЕНТА будет уничтожена».

– Бессмыслица какая-то, – тихо проговорила я, перечитывая пункты договора. – Сначала они пишут, *если* Билли прибудет на испытания. А из слов ниже становится ясно, что у него даже нет выбора.

Я отшвырнула договор, страницы разлетелись в разные стороны.

– Они не могут никого заставить. Это незаконно. Ощущение, будто это мафия, а не школа для... привилегированных. – Я покачала головой. – Он никуда не поедет. И они не заставят его это сделать. В конце концов, он еще несовершеннолетний. Завтра же позвоню в полицию и подам на них заявление о запугивании. А деньги верну им обратно. – Я всплеснула руками, во мне бушевала ярость. – Если они считают, будто могут угрожать нам, заставлять плясать под их дудку, то сильно ошибаются.

Отец сплел пальцы рук, уставившись на листы договора тяжелым, обеспокоенным взглядом.

– Я уже пытался звонить в полицию после смерти твоего брата. Пытался найти того, кто мог бы провести надлежащее расследование. – Он с трудом сглотнул. – Надо было сразу догадаться. Эти люди, люди магии, следуют собственным законам. И собственным принципам. Они не придерживаются известного нам свода правил, Уайлд, им этого не требуется. У них есть определенные договоренности с некоторыми влиятельными мировыми лидерами. С тех пор как я был частью этого мира, прошли годы, но ничего не изменилось.

И снова это слово. *Магия*. Произнесено с полной серьезностью, будто происходящее не походило на детскую сказку, написанную кем-то с больным воображением.

Пока что у меня не укладывалось в голове, и я даже не собиралась пытаться. Я провела ладонью по лицу.

– Итак... что ты предлагаешь? Какие у нас есть варианты?

– Не знаю. Наверное, нам лучше бежать. Забрать деньги и постараться найти того, кто сможет нас спрятать.

По его словам, эти люди – академия для... одаренных, – не задумываясь, убьют нас ради желаемого. А в данный момент они желали заполучить Билли.

Моего младшего брата с ямочками на щеках и непослушными кудрями, мальчишку, которого я в детстве баюкала перед сном, когда мама была слишком занята. Я была немногим старше него, но он... мой, и я обязана его защищать. Так же, как и Сэм.

Я ощутила бессилие. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой старой и одинокой, и впервые за долгое время мне отчаянно захотелось вернуться к маме. Положить голову ей на плечо, вдыхать запах тальковой пудры и сирени, присущий только ей. Чувствовать вокруг себя ее руки и знать, что она все уладит.

И тут я услышала ее голос, словно из далекого прошлого, но прозвучавший столь отчетливо, как если бы она прошептала мне на ухо: *«Иди на риск, который больше никто не осмелится на себя взять. Ты рождена для этого, моя дорогая».*

Слова отца разрушили этот момент:

– Я был уверен, что следующей станешь ты, – сказал он. – Боялся, что придется привязывать тебя к стулу, чтобы ты никуда не делась. В отличие от Томаса ты не отличаешься здравым смыслом. Но вот Билли? – Он взглянул на меня: его лицо лишилось тех жизненных сил и лихой привлекательности, которые излучали его фотографии на каминной полке. – Билли ведь еще ребенок. И у него нет необходимого инстинкта выживания. Только не он.

– Пап, я тебе уже сказала, Билли никуда не поедет. – Я знала, что мне нужно делать, план быстро сформировался в моей голове. Я сумею пройти испытание. Благодаря долгим годам подготовки.

«Уайлд, моя дикая, бесшабашная девчонка. Следуй за ветром, – говорила мама. – Ведь ветер и бесшабашность всегда идут вместе, рука об руку».

От прилива чувств у меня защипало глаза, но я сумела сдержать слезы.

– И привязывать меня к стулу нет смысла. Если они ожидают увидеть в своих рядах парня, тогда мне придется сделать стрижку и раздобыть спортивный бюстгальтер. Вместо Билли они получат волка в овечьей шкуре. Посмотрим, как им это понравится.

Глава 4

Я стояла в крошечной ванной нашего обветшалого дома и смотрела на себя в зеркало. Туманный предзвездный воздух охлаждал кожу: по моим голым рукам и обнаженным плечам бегали мурашки. Узенькая майка плотно облегла грудную клетку поверх еще более тесного спортивного бюстгалтера, делающего мою и без того маленькую грудь совсем плоской.

Чтобы помочь Билли, спасти его от необходимости ехать, мне придется притвориться парнем. Учитывая, что ему шестнадцать и он все еще переживает период половой зрелости, у меня есть шанс в этом преуспеть.

Только для этого мне требовалось отрезать волосы.

Я потрогала кончики своих густых каштановых волос, погладила мягкие локоны, спускающиеся до пояса. Во мне не так много было девичьего – в фермерской жизни довольно трудно отыскать повод, чтобы надеть миленькое платьице или накраситься, – но в этом коротком списке мои волосы стояли на первом месте. Они смягчали остроту скул и жесткую линию челюсти. Благодаря им ямочка на подбородке выглядела женственно, и я меньше походила на Кларка Кента. А без них мое стервозное лицо будет казаться в разы злее, настолько, что люди станут прыгать с корабля в бушующий за бортом шторм, лишь бы сбежать от меня.

Вздохнув, я осторожно взяла в руки ножницы. Никто не усомнится, что я девчонка, если оставить длинные волосы. Меня сразу раскусят, как Рональда Макдональда в компании отъявленных головорезов. Поэтому придется от них избавиться. И открыть свое стервозное лицо.

С колотящимся в груди сердцем я взяла в потную ладонь прядь волос, отвела ее от лица и раскрыла лезвия ножниц. Сделать первый срез труднее всего. Потом будет легче. Во всяком случае, я на это надеялась, иначе придется просидеть здесь все утро вместо того, чтобы оставить дом и добраться до северной части штата Нью-Йорк прежде, чем отец оторвет себя от стула в гостинной и остановит меня.

– Мы найдем другой способ, Уайлд, – сказал он мне ночью. – Заберем деньги, найдем того, кто спрячет нас. У меня остались связи со школьных времен, уверен, кто-нибудь нам поможет.

Я всегда считала отца ужасным лжецом: самый большой чудак в нашей семье на удивление прекрасно владел способами манипулирования и использования полуправды, хотя сейчас я была уже не так в этом уверена. Я по-прежнему не могла решить, что делать со всей этой магической чепухой, удивляясь, как он долгие годы скрывал от нас информацию об академии. Возможно, страх перед этим местом или перед гневом мамы вынуждал его хранить молчание. Тем не менее одно я знала точно: он бесстыдно врал, пытаясь успокоить меня.

Ни одни его «связи» нам не помогут. Никто не предоставит убежище в разгар этой бури. Поэтому кому-то придется отправиться туда и сделать так, чтобы ничто нам больше не угрожало, и займется этим уж точно не мальчик, о котором я заботилась столько лет. Он был слишком чист сердцем – слишком добр. Слишком похож на Томми.

Нет, должна поехать я. У меня были для этого способности, умение адаптироваться в сложных условиях. Обо всем этом я пыталась сказать отцу. Именно я привела домой Усы – быка, позволившего нашей ферме продержаться на плаву немного дольше. Несколько лет назад он стал сенсацией на аукционе по продаже домашнего скота, а потому за него просили весьма солидную цену. Но я, благодаря своему длинному языку, умению разбираться в людях и манипулировать ими, сумела заполучить его, заплатив лишь небольшую часть от начальной стоимости.

Подобные навыки я могла бы применить и в той школе. Точно могла. И в душе с нетерпением ждала часа, когда обведу вокруг пальца людей, убивших моего брата.

Но для этого мне необходимо было отрезать проклятые волосы.

– Я могу, – прошептала я, собираясь с духом. Сделала глубокий вдох, поднесла дрожащую руку к темной пряди.

– Что ты... – Голос Сэм оглушил меня.

– Ай! – Пальцы дернулись, и острые лезвия ножниц оттяпали пучок волос.

Я шумно втянула воздух, когда сестра приблизилась ко мне. Она вошла настолько тихо, что я даже не услышала. Маленькая засранка умеет отлично подкрадываться.

– Дай сюда. – Сэм потянулась за ножницами. – Я помогу тебе. Нужно торопиться, времени осталось не так много.

Она совсем не казалась удивленной, и это сказало мне о многом.

– Ты подслушивала наш разговор через вентиляционное отверстие, да? – укорила я ее, не позволив быстро переключить все внимание на мои волосы. Она указала на маленький стул, и я села. – Слышала только ты или Билли тоже?

– Только я. Вспомнила, как Томми получил похожий конверт. Тогда папа спрятал его в своем обычном месте, и я сумела заглянуть в него. На этот раз пришел такой же? С деньгами?

– Да. И он предназначался Билли. – Я уставилась на ее отражение в зеркале, заметив в ее глазах тот же жесткий взгляд, что и у меня. Спокойное лицо стервы номер два. Женщины в нашем роду были поистине непотопляемы. И я гордилась ею в тот момент, гордилась, что она, как и я, была несгибаема. Я знала, что после моего отъезда она позаботится о папе и Билли. От этих мыслей мое сердце екнуло, что не слишком меня обрадовало. Я потеряла грудь, осознавая причину.

Если после моего отъезда случится что-то плохое, справятся ли они? Если папа снова получит травму? Если близнецы заболеют? Одни если, если, если. В голове роились все новые вопросы, отчего тревога только возрастала с каждым ударом сердца. В этом мире у меня были только они, и только за них стоило бороться, но это, в свою очередь, вынуждало меня теперь их оставить.

– Билли еще слишком молод для колледжа, – заметила Сэм.

– Я знаю.

– Он слишком милый. А когда я рассказываю ему всякие байки, в половине случаев он мне верит. – Уголки ее губ поползли вверх.

Я улыбнулась в ответ.

– И это я тоже знаю.

– Он очень похож на Томми. – Ее голос стих, брови поникли, когда она отрезала несколько прядей моих волос. Я вздрогнула, словно физически ощущала движение ножниц. – У него нет шансов в этом колледже, каким бы специализированным он ни был.

Я издала смешок, хотя и была согласна с ней.

– На самом деле он не такой очаровательный, как Томми, – просто кажется таким, потому что для получения желаемого использует свою харизму и ямочки на щеках. Ты тоже можешь добиться многого, если попробуешь.

– Я уже этим пользуюсь. Иногда проще сказать людям то, что они хотят услышать. Это экономит время. – Сестра равнодушно пожала плечами.

Я снова рассмеялась. Мама бы гордилась способностью близнецов выбираться из любой передраги. Это происходило от недостатка воспитания, я была почти уверена. С другой стороны, когда ты в тяжелом положении и едва сводишь концы с концами, осторожное безобидное манипулирование не самое худшее, что можно представить, если оно способно улучшить твою ситуацию. В любом случае это лучше метода Робина Гуда и неприкрытого воровства.

– В общем и целом, – проговорила я, снедаемая беспокойством, – ты права. Билли еще до этого не дорос. Меня-то жизнь уже побила. А он чересчур доверчивый. Сразу поверит, что они желают ему добра.

– Верно, – тихо произнесла Сэм, продолжая отрезать мои прекрасные волосы.

– Если захочешь, ферму можешь взять на себя. Ты лучше Билли разбираешься в цифрах и управлении. Эти деньги тебе придется растягивать как можно дольше.

– Знаю.

– А его можешь заставить готовить. Твоя стряпня все равно никуда не годится.

Ее губы изогнулись в улыбке.

– Однажды я еще стану шеф-поваром, вот увидишь.

– Даже не сомневаюсь. – Самый верный способ заставить кого-то в нашей семье что-то делать – это сказать, что он ни на что не годен, вынудив доказать обратное. Я закрыла глаза, больше не в силах смотреть, как мои локоны исчезают. – Проследи, чтобы каждый выполнял свои обязанности. Не взваливай все на себя только потому, что они ленятся или наезжают на тебя. Этот урок я хорошо усвоила благодаря вам. Не позволяй им слишком долго засиживаться в грязи. Иногда тебе придется прикрикнуть на отца, чтобы он мыл посуду. Ну и в других мелочах он тоже сможет тебе помогать.

– Хорошо.

– И не вздумай потерять голову и сбежать с симпатичным мальчиком, в которого влюбишься на следующей неделе. – Я взглянула на ее отражение в зеркале.

Сестра засмеялась и покачала головой.

– Билли все равно мне не даст. Он отпугнет любого, кто посмеет ко мне приблизиться. Хотя в этом мне помощь не нужна.

Я усмехнулась. Да уж, повзрослев, она станет похожа на меня больше, чем думает.

– Он тебя защищает. Так же со мной в детстве поступали Томми и Рори.

– Меня не нужно защищать. Парни считают меня слабой, потому что я девчонка. Но если они только посмеют меня тронуть, я врежу им по яйцам и заберу у них все деньги.

Я разразилась смехом: от хохота согнулась пополам и лбом уперлась в колени. Сэм похлопала меня по спине, и я снова села прямо.

– Меня тоже не требовалось защищать. – Слова прозвучали зловеще, почти как проклятие. Я очень надеялась, что и сейчас мне защита не понадобится. Вот только я собиралась отправиться в змеиное логово. Если верить словам отца и магия действительно существует, то мне придется столкнуться кое с чем пострашнее, чем обычные фермеры или завышенная цена на домашний скот.

Глава 5

– Пожалуйста, будь осторожна, Уайлд, – сказала Сэм со слезами на глазах, стоя со мной в дверях.

Свет окрасил небо желтыми, оранжевыми и розовыми разводами. Совсем скоро над нашей многострадальной фермой взойдет солнце. Вдалеке послышалось скорбное протяжное мычание, словно Колокольчик знала о моем отъезде.

«Я вернусь», – подумала я. Со мной не случится того, что с Томми. Я буду сражаться всеми возможными, даже нечестными, если понадобится, способами, чтобы, когда все закончится, приехать обратно домой.

К одному боку я пристегнула ножны, у другого висела бесформенная сумка с ремешком через плечо. Приглашение, подвески, договор и небольшая сумма денег лежали внутри. Часы я застегнула на запястье.

Отец сказал, что Томми получил около сорока тысяч долларов, половину из которых он, на всякий случай, взял с собой.

Значит, мой приблизительный подсчет оказался неверен. Совсем неверен. Билли при-
слали восемьдесят штук.

Восемьдесят тысяч долларов!

Я чуть в обморок не грохнулась, когда мы подсчитали деньги, а потом я заставила папу для верности пересчитывать еще раз. Поверить не могла, что такая огромная сумма лежала в непримечательном конверте на столе, где его мог открыть любой.

Большую часть денег я оставила семье вместе с указаниями, как ими лучше распорядиться. Десяти тысяч для меня было более чем достаточно. Все детство я пыталась пере-
щеголять Рори, мистера Злостного-плохиша-с-отсутствием-моральных-принципов. Стараясь, чтобы брат не поймал меня и не устроил нагоняй за то, что я веду себя как воровка или хулиганка, я прекрасно научилась получать то, что мне было нужно, и когда мне это было нужно.

«В игре на выживание правил не существует, – все время твердила мне мама. – Используй данную тебе Богом силу, Уайлд, и не жалей об этом».

Теперь я собиралась жить по этому принципу. Так мне завещала мама.

Итак, первый пункт в списке: раздобыть то, на чем можно добраться до аэропорта. Пару дней назад у меня не получилось завести грузовик, а после я даже не попыталась выяснить, в чем проблема. Это был мой промах.

– Позаботься обо всем, – тихо попросила я, крепко обнимая Сэм. – Придумай какую-нибудь ложь, чтобы успокоить Билли. А папе, чтобы тот пережил удар, позволь немного выпить. И держись подальше от моей комнаты. Я еще туда вернусь.

По мягкой, как у ребенка, щеке сестры скатилась слеза. Ее рыжие волосы огненным ореолом вспыхнули вокруг головы, когда на них упали первые лучи солнца.

– Видимо, теперь настал наш черед с Билли повзрослеть, да?

Я грустно улыбнулась.

– Этот момент уже давно пришел. Теперь настало время вам перестать лениться и позволить мне все уладить.

От удивления она рассмеялась и забрызгала меня слюной.

– Очень приятно, – сказала я, вытирая слюни, а заодно и свои слезы, с лица.

– Будь сильной, – произнесла сестра, смотря на меня своими большими голубыми глазами, пока я шла к двери. Она повторила мамины слова, которые я так же мысленно проговаривала про себя. – Но не бойся своей слабости. Находи любой повод посмеяться. Разреш себе поплакать. А я присмотрю за этим местом.

Боже мой, сколько раз мама это говорила? Не сосчитать. Я смахнула вновь навернувшиеся слезы, обернулась к ней и кивнула. Поплакать я себе позволю позже. А сейчас надо идти. Время на исходе.

Под ногами хрустел гравий, пока я шла мимо коровника, в сторону нашей длинной подъездной дороги, и думала о незнакомце, который беззвучно появился из ниоткуда.

До сих пор было непонятно, куда он делся потом.

«Магия», – раздался папин голос в моей голове.

Я быстро отогнала эту мысль.

На пересечении нашей дороги с шоссе я свернула вправо, на протоптанную тропинку – здесь я ходила в детстве миллион раз. Но теперь сквозь твердую поверхность тропинки пробивались сорняки в попытке отвоевать свое право на эту дикую землю, которую когда-то утоптали ноги двух моих товарищей по играм, когда мы бегали друг к другу домой и зимой, и летом – днем и вечером, в ленивую жару и бушующую непогоду.

Мои размышления прервало странное покалывание между лопаток. В четверти мили отсюда маячил дом родителей Рори – ветхая покосившаяся конструкция, которую следовало признать опасной для проживания еще несколько лет назад. Теперь там жил только отец Рори. Пэм ушла от него в то же время, когда уехал Рори, оставив его одного. Наедине с бутылкой, лишив объекта для издевательств.

От ощущения, что за мной следят, тело покрылось нервной дрожью, кожа подергивалась, как у лошади, когда ее кусают мухи. Я старалась идти, не сбавляя шаг и не оглядываясь назад. Хищник нападает, как только его жертве становится известно о его присутствии.

Я уже чуть не подняла руку, собираясь смахнуть волосы назад, а в это время незаметно посмотреть вбок, когда вспомнила, что мои волосы коротко острижены – лохматый ежик я прикрыла старой поношенной бейсболкой. Сэм меня заверила: со стрижкой я точно сойду за парня и при этом смогу уложить волосы в более женственную прическу, если понадобится. Хотя лично я сомневалась, что это понадобится.

Я решила прибегнуть к другой хитрости: поправила сумку на плече и сделала вид, будто споткнулась. Качнувшись в сторону, обернулась на мнимую злосчастную кочку. Деревья росли по обеим сторонам от тропинки и встречались кое-где среди полей – уйма возможностей спрятаться. Птицы предостерегающе заголосили, предупреждая стаю о вторгшемся в их владения человеке. В безветренном утреннем воздухе не шелестели ни трава, ни листья. Я не уловила ни единого движения.

Тогда я размеренным шагом продолжила путь, внимательно следя за всем вокруг, прислушиваясь к любым звукам.

Рядом явно кто-то был. Я была в этом уверена. И этот кто-то молча следовал за мной. В нашей части Техаса пумы встречались нечасто, однако такая возможность все равно имелась, а они считались великолепными охотниками.

И все же я знала, что это не животное. Люди и звери всегда будили во мне разные предчувствия и ожидания. Они ощущались по-разному в зависимости от того, насколько были опасны. В детстве мы с Рори и Томми часто играли в жестокую версию прятков: если тебя находили, тебе доставались тумаки.

То, как животное преследует свою добычу, мне казалось понятным. Пугающим, но при этом вполне логичным. Их мотивы так же предсказуемы, как и приемы в охоте. То ли дело люди-охотники – полная противоположность. Стиль их преследования меняется под действием настроения и эмоций, а возможности скрываться от добычи расширяются благодаря интеллекту.

Люди – самые опасные хищники.

Волоски у меня на руках встали дыбом, внутри проснулось смутное предчувствие, связанное отнюдь не с перспективой быть съеденной, а с возможностью подвергнуться еще большей опасности, чем способно навлечь животное.

Значит, человек. Профессионал с высоким уровнем интеллекта. Очевидно, может передвигаться бесшумно, прятаться, не нарушая лиственный покров, и, скорее всего, атаковать, когда ты меньше всего ожидаешь.

Перед моим мысленным взором предстала плотная мускулистая фигура – мужчина с темными бакенбардами. Я ускорила шаг. Так или иначе, жертва остается жертвой, и ей нужно удрать прежде, чем хищник ее поймает. Если мне предстояло столкнуться с мужчиной, который принес конверт, то иллюзий насчет моей роли в этой игре в кошки-мышки у меня не было.

Я как можно быстрее, при этом пытаюсь делать вид, будто никуда не тороплюсь, добралась до старого дома Рори.

На гравийной дорожке был припаркован все тот же старенький «шевроле», которым, судя по виду, никто не пользовался: паутина трещин на зеркалах и корпусе, листья, собравшиеся под сломанными дворниками. Бак, отец Рори, не работал, предпочитая жить за счет пособия от государства и не имея друзей, которые могли бы его навещать. Скорее всего, сейчас он находился в доме, отсыпался после обычной ночной попойки.

Я скользнула за чахлую коричневую изгородь и на цыпочках прокралась вдоль стены дома к окну бывшей комнаты Рори. Оказавшись на месте, остановилась, и на меня нахлынули воспоминания из прошлого: Рори, сжимая мою руку, просит нас с Томми не оставлять его. Мне девять лет, я слишком маленькая и не понимаю, что мой друг – просто напуганный ребенок, который боится оставаться наедине с чудовищами, наводняющими его мир. Отец Рори начинает кричать. Крики становятся все громче, их сопровождают тихие рыдания матери Рори. Но Томми знает, что нужно делать.

– Идем, – говорит он. – Сегодня, Рори, можешь остаться у нас. Они даже не заметят.

И они действительно не заметили. Ни в ту ночь, ни в десятки последующих, которые он провел у нас.

Тогда-то я впервые и осознала, что в отличие от меня Рори не мог укрыться дома. Там он находил еще больше кошмаров. Вот почему я и глазом не моргнула, когда он сообщил мне о своем отъезде из города. И вот почему я собиралась выбить из него всю дурь, если он мне соврал. Потому что нельзя врать людям, с которыми у тебя одно прошлое и кому ты доверяешь. Просто нельзя.

Я легонько надавила на окно – сломанный замок издал тихий щелчок, – прижала ладони к стеклу и открыла створку. Негромкий скрип заставил меня на миг замереть. Между лопатками вспыхнул сильный зуд.

Незнакомец был здесь, следил за мной. Я точно знала. Мужчина с бакенбардами или кто-то из его помощников наблюдал за тем, как я проникаю в чужой дом.

Мое дыхание стало поверхностным, но я не остановилась. По сути дела незнакомец угрожал Билли. Так что вряд ли станет вызывать полицию. К тому же наш грузовик был неисправен, а сроки поджимали – тут уж можно сделать выводы.

Я решила не обращать внимания на буравящий мне спину взгляд. Стиснув зубы, когда послышался очередной скрип, открыла окно до конца. Потом прислушалась.

Мое внимание привлекло тихое мерное тиканье. Часы. Больше ничто не нарушало тягучую, вязкую тишину.

Одним быстрым движением я подтянулась и влезла в окно, наступив на предусмотрительно подставленный комод и табурет рядом с ним – свидетельство того, что Рори частенько тайком сбегал из дома и незаметно возвращался. Я тихо вышла на цыпочках из его комнаты, осторожно обойдя шаткую доску под тусклым рыжеватым ковром, и остановилась у входа в гостиную.

Над оборванной спинкой выцветшего зеленого кресла головы не виднелось. Чуть наклонившись, заглянула в кресло, стоящее лицом к телевизору с двумя торчащими антеннами, и бросила взгляд на диван. На нем и растянулось тело Бака – плечи такие же широченные, а живот стал еще больше, чем был, когда я видела его в последний раз. Пол завален смятыми пивными банками, рядом – пустая бутылка из-под водки.

По моей коже скользнул страх, когда я переступила порог гостиной. У Бака имелась одна особенность: он мог быть пьян в стельку и спать беспробудным сном, но стоило кому-то тронуть его вещи, как он тут же проявлял бдительность и подсказывал. Я никогда не могла понять этот феномен. И сомневалась, что с тех пор что-то изменилось.

Однако у меня не было иного выбора, как проверить это.

Тихо, словно мышка, я прокралась вдоль стены к стойке, отделяющей кухню от гостиной. Разваливающаяся корзина была доверху завалена всяким хламом, поверх которого, как всегда, лежали ключи. Затаив дыхание, я начала аккуратно выуживать их из мусора.

Два ключа стукнулись друг о друга – раздался жалобный металлический лязг. Я замерла, сердце от страха подскочило к горлу.

В ответ комнату заполнило спокойное ритмичное сопение. Все мои инстинкты кричали об опасности.

Мне нужно было выбираться отсюда.

Я оглянулась на входную дверь за гостиной. Вполне вероятно, что Бак не смазывал петли. Принимая во внимание его необычайную способность чувствовать, когда кто-то покушался на его владения или вещи, мне оставалось только вернуться тем же путем, каким я пришла. Даже Рори не отваживался выносить вещи Бака через входную дверь. Он был бы покойником, если отец поймал бы его.

Двигаясь как можно быстрее, но соблюдая тишину, я нырнула обратно в окно комнаты Рори и тихо закрыла его за собой. Я физически ощутила, как в мою спину снова впился чей-то взгляд. Хотелось развернуться и саркастично поблагодарить незнакомца за ожидание, но вместо этого я бросилась к грузовику. Время поджимало.

Однако больше меня подгоняло все же не время. А паршивый сукин сын, на чьей собственности я совершала кражу. Может, он и подрастерял некоторую свою агрессивность, но я бы не стала на это рассчитывать. По моим венам несся адреналин, разум атаковали воспоминания о страхе, который он вызывал во мне в детстве. Добравшись до грузовика, я распахнула дверцу. Тишину разорвал громкий скрип.

– Вот же невезуха, – проворчала я, запрыгивая на водительское сиденье и начиная искать нужный ключ. Это оказалось глупой ошибкой: надо было приготовить его заранее, пока я бежала к машине.

Дверцу я оставила открытой. Чем меньше шума, тем лучше. Закрою ее, как только в направлении дома этого ублюдка полетит грязь из-под колес, не раньше.

Ключ звякнул, когда я вставила его в замок зажигания и, закусив губу, повернула. Грузовик закричал... Он пытался снова и снова, а двигатель все не желал заводиться. Интересно, когда в последний раз пользовались этой машиной? Внезапно мой план показался мне уже не таким хорошим.

– Ну же, – пробормотала я и вдавила педаль газа, предпринимая еще одну попытку. – Давай, давай...

Наконец двигатель чихнул и медленно заурчал.

Я выпустила тяжелый вздох и потянулась к дверце, бросив взгляд на дом.

Входная дверь стояла открытой.

– Какого хрена ты творишь? – взревел Бак, появляясь сбоку от машины. Его огромная ручища ухватила за край дверцы. – Пытаешься украсть мой грузовик, тупой...

Он потянулся, чтобы схватить меня другой рукой, покрытой шрамами.

Этот старый болван отмутузит меня без зазрения совести.

Меня охватил ужас, и я стала действовать не задумываясь.

С силой ткнула пальцами в его крохотные медвежьи глазки, а потом врезала кулаком по горлу. Не дожидаясь ответной реакции, отпихнула тянущуюся за мной руку, и мужчина со сдавленным криком повалился назад.

Я резко выжала сцепление и вдавила педаль газа в пол.

Грузовик кашлянул, фыркнул, но медленно покатил вперед.

– Ах ты мерзкий поганец, вор! – прохрипел Бака и, держа один глаз закрытым, снова бросился на меня. Из-за возраста и продолжительного пьянства его рефлексy работали заторможенно. Тем не менее он не собирался сдаваться. Как и я.

Я вильнула в сторону и вырвала руку. Его длинные ногти процарапали мою кожу, оставив глубокие раны. Грузовик дернулся вперед, отчего дверца захлопнулась и зажала руку Бака.

Он замычал от боли, тогда я повернула грузовик вправо, и его отшвырнуло от двери. Он ударился локтем о крыло автомобиля и грузно упал. Я вывернула руль, направив машину в противоположную сторону, и выскочила на дорогу. Тело Бака покатилося по земле в облаках пыли и разлетающегося гравия.

– Так тебе и надо, – пробурчала я, оставляя его позади.

Уверена, у него не возникнет сомнений в том, кто украл грузовик. Слава богу, близнецы умели обращаться с ружьем. У меня оставалось меньше сорока восьми часов, а потому мне было некогда прохлаждаться за решеткой.

Глава 6

Крепко вцепившись в руль старой колымаги Бака, я пыталась удержать эту грудку хлама от падения в кювет на крутом повороте при въезде на магистраль. Она, по всей видимости, еще не окончательно заросла паутиной, а ведь у Бака никогда не хватало денег на бензин. А вот гидроусилитель руля полностью износился.

Тормоза визжали точно две свиньи, застрявшие в капкане, да и поворотники наверняка не работали, судя по тому, сколько раз мне сигналили при моей попытке перестроиться на соседнюю полосу. Но все равно это было лучше, чем идти пешком.

Последний поворот руля – и вот я выехала на шоссе.

– Ее невозможно удержать на месте так же, как и Колокольчик, – проворчала я, с трудом переключаясь на повышенную передачу.

Поставила ногу на педаль газа и вдавила ее в пол, напрасно пытаясь развить скорость, приемлемую для езды по магистрали. Тут кабина грузовика затряслась, загремела, и в следующую секунду то, что оставалось от глушителя, проскрежетав по бетону, с грохотом отвалилось – черт возьми, отвалилось! При падении на дорогу поднялся сноп искр, яркой вспышкой отразившийся в боковом зеркале.

Убедившись, что в ближайшее время больше ничего не собиралось отваливаться, я все-таки опустила окно. Ворвавшийся в салон свежий воздух постепенно выветривал запах старья и прокисшего пива. Глубокий вдох, выдох – и мой пульс замедлился. Наконец я направлялась на Отборочные испытания, и у меня даже оставалось время. Оказавшись на месте, я смогу убедить их, что Билли никогда им не подходил. Что он ужасно справился бы с... с тем, чего они от него хотели.

Но стоило мне поднять глаза к зеркалу заднего вида, как у меня в жилах застыла кровь, по всей спине до самого копчика пробежала дрожь.

В трех машинах позади меня, в одной со мной полосе, ехал черный блестящий седан, лучи утреннего солнца отражались на его обшивке. Разделяющие нас автомобили, недовольные моей низкой скоростью, один за другим обгоняли меня, но седан не менял своей позиции, позволяя другим машинам встраиваться перед ним.

– Он явно тупой как пробка, раз думает, что я его не замечу, – пробормотала я, во мне бурлил адреналин. Ни одна новенькая блестящая машина не стала бы плестись за грудой железа, предпочтя двигаться со скоростью ниже дозволенной. А значит, она преследовала меня.

Вот только мне ни за что не оторваться от этого седана, уж точно не на грузовике Бака.

Всплеск адреналина смешался во мне со страхом, я прикусила щеку изнутри, мозг лихорадочно подыскивал возможные варианты. Следующий съезд вел к веренице пригородных поселков, школ и небольших парков. Я могла бы свернуть на него, посмотреть, последует ли автомобиль за мной, и попробовать затеряться. А если он будет настойчив... Мне не останется ничего другого, как бросить грузовик и бежать.

Разумеется, это снизит мою скорость, а для того, чтобы добраться до севера Нью-Йорка, у меня осталось крайне мало времени.

Я развернула запястье и взглянула на свои новые часы. Осталось тридцать часов, пятнадцать минут и четыре секунды. Полет, наверное, займет где-то часа четыре. Дорога на север штата – еще около двух часов. Я не была уверена, что это сработает, но у меня появилась безумная идея, как избавиться от хвоста.

В нынешней ситуации безумие стало моей единственной альтернативой.

– Время еще есть. – Я резко вывернула руль вправо и включила пониженную передачу, решив снизить обороты двигателя, вместо того чтобы визжать тормозами. Двигатель грустно застучал в ответ, но звук этот был по крайней мере тише.

Вновь сражаясь с рулем на повороте, я съехала с магистрали. Взгляд в зеркало заднего вида только подтвердил то, в чем мне требовалось убедиться. Седан ехал за мной, сокращая между нами расстояние. По моей коже вновь пробежала дрожь, вызванная страхом преследования.

Теперь не оставалось никаких сомнений: за мной – хвост.

Часть меня была настолько напугана, что не могла ясно мыслить. Меня преследовал не просто хищник, а высокочеловеческий злодей, который подталкивал меня вперед, к опасному будущему, откуда я могла уже не вернуться. Но другая часть моей личности, напротив, оживилась – это она отвечала за то, как я носилась по полям вместе с Томми и Рори и влезала в заброшенные дома. Именно благодаря ей меня и прозвали Дикой – Уайлд.

– У меня все получится. – Я снова сбавила скорость и снижала ее до тех пор, пока грузовик чуть ли не полз на первой передаче, а двигатель несчастно ворчал, пыхтел и трясся. Пусть я и не могла оторваться от них на своем транспорте. Зато могла их перехитрить.

Я остановила грузовик в самом конце съезда, высунула руку в окно и помахала седану, чтобы он проезжал мимо. Любой преследователь, желая сохранить анонимность, наверняка бы так и сделал и сел на хвост уже позже.

Но черный седан неторопливо подкрадывался сзади к грузовику, расстояние между нашими бамперами постепенно сокращалось. Затем он остановился вплотную ко мне, так что мы едва не врезались, и принялся терпеливо ждать, давя на меня и подталкивая ехать дальше. В зеркале заднего вида на меня строго смотрело лицо в очках-авиаторах, обрамленное густыми бакенбардами.

На моих губах расцвела ухмылка, которую я была не в силах сдержать, несмотря на растекающееся по телу предостерегающее покалывание. Этот мужчина был опасен. Я чувствовала это каждой клеточкой своего существа. Но он охотился на меня, а я терпеть не могла подобное обращение. Есть случаи, когда следует отступить, а есть – когда нужно дать отпор. И мой внутренний голос подсказывал, что сейчас как раз время для второго.

«Остается надеяться, что задние фары у Бака работают не лучше поворотников».

Включив заднюю передачу, я нажала на газ. Мотор зарычал, и грузовик рванул назад резвее, чем до этого ехал вперед, со всей силы врезавшись в капот черного автомобиля. Ногу с педали газа я не сняла.

– Получай, Бакенбарды.

Седан взвизгнул шинами по асфальту, но грузовик Бака был тяжелее, поскольку предназначен для перевозки грузов. Он толкал машину назад, вокруг нее клубился дым, пока Бакенбарды безуспешно давил на тормоза. Но я еще не закончила. Ухмыляясь в заднее окно, я резко выкрутила руль и развернула грузовик, вынуждая седан съехать в боковую канаву.

Дальше свое дело сделала сила тяжести: черная машина покатила вниз по крутому склону, отчаянно крутя колесами по сухой траве, пока не оказалась на самом дне. Теперь ее без тягача было не достать.

Продолжая улыбаться как безумная, я включила первую передачу и двинулась вперед. Бросила еще один взгляд в зеркало заднего вида, заметив стоящую на краю канавы одинокую фигуру. Солнечные лучи отражались в очках-авиаторах и играли на бакенбардах.

При виде выражения лица мужчины, которое не могли скрыть даже очки, улыбка сползла с моих губ.

Так же на меня смотрел тот убитый мной волк, покушавшийся на наш скот: сверкающие глаза и оскаленные зубы, готовые меня разорвать. Тогда-то я и ясно поняла, что приобрела врага, который очень не любил, когда его дурачили.

Было очевидно, как голубое небо над моей головой, что однажды эта история мне еще аукнется.

Я вдавила педаль газа в пол и вернулась на магистраль, страх подстегивал меня ехать быстрее. Вынуждал скорее отделаться от этого волчьего взгляда.

Мне предстоял довольно долгий путь, а значит, у меня оставалось полно времени для переживаний. Я постоянно поглядывала то в одно, то в другое зеркало. Впереди меня ждала школа, где погибали ученики, а их смерти не расследовались. Школа для *магически* одаренных.

Я фыркнула. Если бы на свете существовала настоящая магия, как она описывалась в фэнтезийных книгах, я бы уже давно об этом знала. Такое не утаишь. Возможно, папа преувеличил, и эта школа предназначалась для детей не просто начитанных, а обладающих исключительными способностями в определенных областях.

Тут я нахмурилась. Как бы мне ни была неприятна эта мысль, но я понимала, почему им так понадобился Томми. За что бы он ни брался, у него все получалось. Необыкновенный многообещающий юноша, который с легкостью заводил друзей, очаровывал учителей и учился на отлично. А вот Рори, в отличие от него, мог похвастаться лишь внушительным списком задержаний местной полицией за драки, и его единственными талантами были навыки в мелком воровстве и умение перекладывать вину на других. Что-то тут не сходилось.

Я вздохнула, когда впереди появился указатель на аэропорт. Все ответы на мои вопросы обязательно найдутся, только вряд ли они свалятся мне на голову. За ними еще придется поохотиться. По крайней мере, этот навык у меня был хорошо развит.

Я влилась в поток машин, следующих в аэропорт, делая все возможное, чтобы мой грузовик не столкнулся с каким-нибудь дорогим автомобилем. Как только мы подъехали к зоне временной стоянки, движение внезапно остановилось, и я оказалась зажата со всех сторон.

С рычанием двигателя мой грузовик дернулся вперед и чуть не «поцеловался» со сверкающим красным «порше» впереди.

– Свинская рухлядь! – выругалась я себе под нос, ударив по тормозам.

Я подалась вперед и вытянула шею, пытаюсь разглядеть, в чем причина затора. Разумеется, в городах многолюдно и шумно, поэтому, зная, сколько людей одновременно прилетают и улетают, можно было бы более умело управлять транспортными потоками.

Внедорожник в правой полосе чуть продвинулся вперед, и моему взору открылся терминал аэропорта. У меня перехватило дыхание. В утреннем свете сверкнули два черных седана. Которые кого-то ждали.

Я резко выпрямилась на сиденье и двинулась вслед за «порше». Сердце, ускорившись, заухало в груди так громко, что я даже не слышала гудков машин вокруг.

Очевидно, у незнакомца с бакенбардами имелось больше друзей, чем у меня. Я стала наблюдать за ними краем глаза. Оба седана были новенькими, без каких-либо повреждений, а значит, принадлежали не Бакенбардам. Я шумно сглотнула и разразилась потоком ругательств, пока пыталась решить, что мне делать дальше. Как выбраться из этой передраги?

Грузовик Бака никак нельзя было назвать неприметным: облупившаяся краска, двигатель, тарахтящий громче выстрелов дробовика, и убийственный запах выхлопных газов. С другой стороны, не я одна направлялась в аэропорт в подобном ржавом ведре. До тех пор, пока преследователи не сели в свои автомобили и не принялись проталкиваться в общем потоке машин, мне ничего не угрожало. И до тех пор, пока я сохраняла спокойствие.

Через несколько минут я сверилась с часами. Двадцать восемь часов сорок минут и восемнадцать секунд. Еще уйма времени.

Тут на моих глазах цифры задрожали, стали расплываться, а потом смешались, словно встряхнули стеклянный снежный шар.

– Какого черта? – Я постучала пальцем по циферблату. Что за кусок дерьма мне прислали... А после произошло худшее, что могло случиться.

Время изменилось.

И не в мою пользу.

Осталось шесть часов, отсчет пошел.

– Ах ты, кусок ослиного говна! – прокричала я, вскипев от злости. – Кто бы ни вытворял это с моими часами, ему явно не хочется жить.

Стиснув зубы, я вытянула шею и в нескольких машинах впереди увидела мужчину, пускающего машины на парковку. Боковым зрением отметила про себя, что седаны по-прежнему стоят на месте.

Минуты стремительно убегали. Грузовик продолжал стойко сопротивляться моему управлению. Я старалась не смотреть на часы из боязни, что время снова изменится.

У въезда на парковку меня остановил сотрудник аэропорта, взмахнув рукой. Мне это показалось лишним, поскольку деревянный шлагбаум возле будки все равно был опущен.

– Сколько времени планируете пробыть? – выкрикнул он.

От страха у меня сдавило горло, я еле выдавила:

– Вообще нисколько. То есть мало. Совсем немного. – Я поморщилась. И когда это я разучилась говорить с людьми? – По-быстрому заеду и обратно.

– Хорошо. – Он махнул мне рукой. – Езжайте на второй этаж. Первый весь уже заполнен.

Я выхватила у него талон и чуть не снесла деревянный шлагбаум, когда грузовик слишком резко дернулся вперед. Затем припарковалась на втором этаже в зоне, где стоянка была запрещена, – это было проще, чем искать место, куда бы запросто мог встать неуправляемый грузовик. Двигатель я не стала глушить. Может быть, грузовик кто-нибудь украдет. Во второй раз.

Я бросилась в сторону лестницы. Мне нужно было найти способ как-то прошмыгнуть мимо седанов или перейти в соседний терминал.

Тут я уловила какое-то движение у себя за спиной, совсем рядом. Поддавшись инстинкту, нырнула вправо, чтобы увеличить между нами расстояние. Но здоровый детина мешкал недолго и быстро развернулся, сменив траекторию. Второй показался с другой стороны, пробежав между двумя припаркованными машинами.

Первый мужчина бросился ко мне и чуть не схватил. Я вильнула в сторону, ударившись бедром о машину. Мгновенно заорала автомобильная сигнализация, в тусклом помещении гаража замигали фары. Кровь стремительным потоком неслась по моим венам; я крутанулась и приземлилась на корточки перед своими преследователями – двумя мужчинами в такой же одежде, как у незнакомца с бакенбардами. Оба выглядели одинаково: военная короткая стрижка, очки-авиаторы и куртки с красными нашивками «Паутина Судьбы». Единственное отличие – эти мужчины были гладко выбриты. Очевидно, уродливые волосы на лице не являлись обязательным атрибутом.

Мужчина слева улыбнулся, но улыбка его была холодной, как у рептилии.

– Билли. Не усложняй себе жизнь.

Билли. Они знали, кто я.

Я не стала подниматься с корточек и попятилась назад, обшаривая рукой землю позади себя.

– Парни, я опаздываю на рейс, – произнесла я низким голосом.

Мужчины одновременно расплылись в улыбке, мою кожу начало предостерегающе покалывать. Позади меня возникли еще двое, один из них держал в руках что-то вроде черного холщового мешка, нацеливая его на мою голову. Тогда я нанесла ему сильный удар снизу, отчего его голова дернулась назад и очки слетели, когда он упал. В сжатых в кулак пальцах я ощутила пульсацию. Завтра будет больно, но больше ему, чем мне.

Я не стала дожидаться того, что могло произойти дальше, и на полной скорости рванула через гараж. По пути задевая машины, чтобы активировать сигнализации.

В ту минуту я не могла ни о чем думать. Сбежав по лестнице, увидела двери, ведущие в аэропорт. Я обрадовалась, что была почти у цели. Хотя это и не сравнится с тем, чтобы очутиться дома. Преследующие меня мужчины действовали настолько дерзко, что осмелились напасть в переполненном гараже, так почему прекратили погоню?

Я рискнула оглянуться на лестничную площадку позади. Никого.

Но это действие стало для меня роковым. Как только я повернулась обратно к главным дверям, мне на голову опустили черный мешок и затащили на моей шее.

– Свяжите его хорошенько. Уж больно он юркий пацан.

Когда мои руки и ноги обездвижили, сжав их железной хваткой, моя паника взлетела до небес. Какого черта происходит? После того как тот тип с бакенбардами принес желтый конверт, началась полная неразбериха. Если предположить, что эти парни действовали с ним заодно, разве их целью не было отправить меня в школу?

Вдруг я с ужасом осознала: вовсе нет.

Тогда я принялась лягаться, высвободила ногу из их цепких рук и стала молотить по всему, до чего могла дотянуться. Два моих удара пришлись точно в цель. Одно очко в пользу девчонки с длинными ногами.

– Этот ублюдок больно большой для своих пятнадцати! – прорычал один из нападавших.

Да, не так-то просто похитить высокую спортивную девчонку.

Я дернулась еще раз и перекатилась на бок, нанеся очередной удар кому-то в сустав. Колено. Хрустнул хрящ. Мужчина выругался.

Затем я снова развернулась, высвободила руки и вовремя выставила их перед собой, прежде чем упасть на твердую землю. Я уже потянулась к голове, чтобы сорвать мешок, когда меня вновь грубо схватили мощные руки. Эти парни были сильными, быстрыми и опытными, а еще их было слишком много.

Я прекрасно осознавала, когда стоит отступить перед сильным зверем. Тот же принцип действовал в отношении нашего быка Усы. Надо было понимать, когда можно ему хорошенько наподдать, а когда преподнести любимое лакомство.

Вот и сейчас я решила угостить этих ребят мятным леденцом – пусть думают, будто выиграли этот бой.

Раз уж я не могла победить их силой, придется побеждать умом. Для этого мне нужно было переждать.

А уж потом, в нужный момент, я как следует вдарю им по яйцам.

Глава 7

– Я сдаюсь, – проговорила я, опалая своим дыханием пространство внутри мешка, который мне нацепили на голову. – Больше не буду сопротивляться.

– Наконец в тебе проснулся здравый смысл, – пробурчал один из мужчин.

Я обмякла в их руках, позволив им ощутить вес моего тела. В мешке пахло как под мышкой у хиппи – поскольку рот я держала закрытым, мне приходилось широко раздувать ноздри. Мои запястья были связаны впереди. Меня так и подмывало спросить, что они теперь собираются делать, но я подавила в себе это желание. Можно было закричать и начать сопротивляться, попытаться привлечь внимание людей в аэропорту, но у меня было ясное ощущение: это не поможет. А значит, в этом случае моим спасением будет молчание.

– Держите его крепко, – произнес кто-то из нападавших. Я напряглась, когда мои запястья сжали настолько сильно, что хрустнули сухожилия и кости. Из-за того, что кровь перестала поступать, я почти не почувствовала укол лезвия на правой руке, прямо в центре ладони. Последовало ощущение давления, а после слабого тепла.

Рот я продолжала держать на замке, однако уловила проблеск света на ткани мешка – сквозь крохотную дырочку. Слегка повернула голову – не сильно, чтобы никто не заметил, но достаточно, чтобы мешок сместился, – так что мой левый глаз оказался на уровне с прорехой. Сквозь нее я увидела, как к моей правой руке поднесли лист бумаги. Насколько я могла судить, это был договор.

Я импульсивно дернулась назад, попытавшись вырваться, но они оказались к этому готовы. Меня швырнули на пол. Два парня уселись на корточки по обеим сторонам от меня, а в спину мне уперлось колено, пригвоздив к земле. Чуть не сломав руки, мне до боли выкрутили запястья, к правой ладони прижали лист пергаментной бумаги – тут-то все и стало ясно.

Я что-то подписывала против своей воли.

– Поднимайте. Погрузим его внутрь, и на этом наша работа здесь окончена.

– Мне нужен врач и выпивка, – проворчал кто-то.

Меня поставили на ноги, запястья свели вместе и обмотали жестким куском пластика. Стяжки. До сих пор мне доводилось видеть их только на пленниках в фильмах.

Я с усилием развела запястья, чтобы оставить между ними немного пространства, на случай если придется высвободиться. Несмотря на стяжки, я собиралась выбраться из плена как можно раньше.

Мешок на голове давал мне лишь одно преимущество: он помогал скрывать, что я девушка. Да и мой спортивный бюстгальтер прекрасно справлялся с этой задачей, раз во время борьбы никто ничего не заметил.

Потом меня куда-то потащили, мои ноги едва доставали до земли. Мужчины переговаривались между собой, как будто меня вообще здесь не было.

– Куда дальше?

– Арканзас, Миссури, Иллинойс, Индиана и Огайо.

– А Кентукки? Мне казалось, он входит в наш маршрут.

– Нет.

– Может, стоит дать Шамусу время вправить нос?

– Мы и так опаздываем. Он может это сделать во время полета. Не стоило недооценивать этих детишек.

Я нахмурила лоб, на нем выступили капельки пота и покатались по щекам.

Этих детишек?

Значит ли это, что я не единственная, кого они схватили? Что им нужно от нас?

Я быстро выкинула эти вопросы из головы, решив, что подумаю над ними позже. Сейчас главной проблемой для меня было другое: все эти остановки займут время. Время, которого почти не оставалось.

Если я ничего не предприму, все пропало.

В этот миг я услышала мамин голос, он шепотом разливался в воздухе, донося слова, сказанные мне много лет назад. Я тогда жаловалась ей, что Томми и Рори все время выигрывают. *«Прояви терпение. Дождись удобного момента, чтобы нанести удар. Если будешь торопиться, так и придется бегать за добычей. Надо, чтобы она сама попала к тебе в руки».*

В то время я училась охотиться, но этот совет как нельзя лучше подходил в настоящей ситуации. Как и большинство маминих советов, внезапно прозрела я... да уж, они больше помогали развитию жестокости, чем выражали материнскую заботу. Возможно, она с самого начала подозревала, что академия не оставит нас в покое.

Пока меня тащили куда-то, мой нос уловил, даже через ткань мешка, легкое дуновение. Новый аромат напомнил мне о доме, ферме и о чем-то еще, чего я никак не могла понять. Запах специй и ванили рассеивал страхи.

Я расслабилась, на этот раз по-настоящему, и стала ждать подходящего случая. Мне только оставалось надеяться, что он наступит, и когда это произойдет, я буду готова ухватиться за него обеими руками.

Тут моих ушей достиг приглушенный ритмичный стук, похожий на гул винтов больших вертолетов из военных фильмов, которые так любили папа с Томми. Нет, постойте, это и *были* вращающиеся лопасти вертолета, и сейчас меня вели в направлении, откуда доносился звук.

Если раньше можно было сказать, что я взмокла, то теперь пот стекал по моему телу ручьями. Я могла одержать победу, только полностью сосредоточившись на конкретной задаче, но мысль о том, чтобы оказаться в воздухе в шутовине, напоминающей гигантский кухонный комбайн, не входила в список моих желаний. Воображение с легкостью рисовало, как меня толкают к этим лопастям. А потом всплывали фрагменты из фильмов про войну, где вертолеты разбивались.

Теперь я не была уверена, что смогу сохранять спокойствие в этой ситуации. Я замедлила шаг, уперлась каблучками в землю, но в ту же секунду, как я затормозила, меня подхватили с обеих сторон под руки и потащили вперед.

– Господи, он вроде худой, а такой крепкий, – проворчал один из тех, кто меня нес. Я размахнулась и заехала ему ботинком по бедру. Мужчина вскрикнул, но меня не отпустил.

– Утомонись, парень, или я вышвырну тебя из кабины, когда мы поднимемся в воздух, – пригрозил его напарник.

– Ага, конечно, – огрызнулась я. Они не станут наживать себе неприятности и выбрасывать меня. Во всяком случае, я на это надеялась.

Гул от вращающихся винтов становился все громче, сильный ветер плотно прижимал мешок к моему лицу. Сквозь маленькую дырочку я сумела разглядеть кабину вертолета изнутри, и при виде открывшейся картины у меня в жилах похолодела кровь.

На плоском полу лежала на боку еще дюжина детей, многие свернулись в позе эмбриона. У всех руки были связаны за спиной, а на голову, как и у меня, натянут мешок. Они лежали в центре свободного пространства, непристегнутые, даже без возможности за что-нибудь ухватиться. Словно их могли выбросить в любую минуту, если они будут создавать проблемы.

Мне это совсем не понравилось, но я не представляла, как отсюда выбраться.

– Бросьте его там, в конце, рядом с девчонкой.

Меня затащили в вертолет и швырнули на пол, будто мешок с зерном, оставив лежать непристегнутой, как и остальных ребят. Лопасты вертолета стали вращаться быстрее, и мы, тронувшись с места, поднялись в воздух. Двери остались незакрытыми.

Что за безумие?!

– Вы это серьезно? – закричала я, когда меня вдавило в пол. Мой желудок несколько раз перевернулся, пока мы стремительно взлетали.

– Ты, должно быть, из Техаса. Слышу по твоему акценту, – произнесла девчонка рядом со мной. Ее голос перекрывал общий шум – услышать ее без наушников было невозможно. – А ты знаешь, что в Техасе есть места, где количество аллигаторов превышает число людей?

Я медленно повернула к ней свою замотанную мешком голову. Она серьезно? Нас связали, надели на голову мешки и вместо багажа бросили на полу летящего вертолета, а она хочет поговорить об аллигаторах?

Сквозь крошечную дырочку я увидела, как она, словно услышав мои мысли, кивнула.

– Смерть от аллигатора действительно ужасна. И она совсем не быстрая. Сначала он утягивает тебя под воду, обычно схватив за руку или ногу, отчего у тебя складывается впечатление, будто ты можешь спастись. Но, конечно же, это не так. Лишь немногим это удается.

Боже правый, что мне сделать, чтобы она заткнулась? И вообще как я могу слышать ее сквозь рев винтов?

«Магия», – прошептал у меня в голове папин голос. Нет, это невозможно...

Девушка как ни в чем не бывало продолжала:

– Как только он затаскивает тебя под воду, то начинает кружить, вращаться без остановки вокруг своей оси, чтобы наилучшим образом оторвать твои конечности и заставить тебя истекать кровью, пока ты тонешь. Этот прием называется «смертельным вращением».

Я отвернула от нее голову и попыталась отыскать поблизости что-нибудь, чем можно было бы перерезать стяжки. Попробовала дотянуться до ножа на бедре, но мне не хватало гибкости.

– После этого они чаще всего, – не умолкала девчонка, – помещают тебя, все еще живого, в свой подводный склад еды. Они предпочитают, чтобы их пища тщательно промариновалась в болотной воде и подгнила. По правде говоря, мне кажется, такой способ улучшает вкус плоти.

– Да заткнись ты уже к чертям собачьим! – рявкнула я. – Никому не хочется слушать, как аллигаторы пожирают людей! – Что с ней вообще не так?

– Я не хочу умирать! – закричал кто-то неподалеку. Парень, предположила я, хотя по писклявому голосу, в котором сквозила паника, трудно было сказать наверняка. – Пожалуйста. Я не хочу умирать!

Я опустила голову, прижалась лбом к единственной твердой поверхности и медленно вдохнула через нос. Почему они оставили двери открытыми? Чтобы напугать? Или действительно намеревались исполнить свою угрозу и выкинуть нас?

От этих мыслей меня передернуло, сознание вдруг наполнили размышления о том, сколько времени лететь до земли, спадет ли с головы мешок, чтобы я могла в последний раз взглянуть на мир. Черт, на меня болтовня про смерть этой девчонки так повлияла.

– Смерть может прийти к нам во множестве обличий, – произнесла она, ее голос зазвучал монотонно, странным образом напомнив мне манеру речи Уолтера Кронкайта⁴. – Но уже от нас зависит, принять ее или бороться с ней. Я предлагаю принять. Мы все умрем. Но действительно ли мы живем?

– Заткнись, Уолли! – взревела я. – Просто заткнись!

– Меня зовут не Уолли...

– Но говоришь ты в точности как Уолтер Кронкайт, – ответила я и тут же рассмеялась. Из меня вырывался истеричный хохот гиены. Я находилась в вертолете с мешком на голове, а девчонка рядом со мной, помешанная на смерти, разговаривала, как чертов Уолтер Кронкайт. Все это неправда, просто не может ею быть.

⁴ Уолтер Кронкайт – американский тележурналист и телеведущий. Наибольшую известность получил как бессменный ведущий вечернего выпуска новостей CBS на протяжении 19 лет с 1962 по 1981 г.

Но в одном я была уверена. Я умру.

Тут мой смех внезапно прервался, будто я щелкнула выключателем.

– Я не умру.

– Конечно, нет, – откликнулась Уолли. – А вообще мне нравится это имя. Теперь будет моим прозвищем. Спасибо.

– Я не хочу умирать! – снова заверещал парень, когда вертолет накренился вбок и мы сместились к открытой двери. Я перекатилась, немного поерзала и, очутившись в конце концов на пятой точке, в поисках опоры уперлась ботинками в скользкий металл. Следом начала катиться Уолли: об этом мне сообщил звук скользящего рядом по полу тела.

Я быстро выставила ногу, удерживая ее бедром.

– Спасибо, – поблагодарила она спокойным тоном, как если бы я придержала для нее дверь. – Шлепнувшись с такой высоты, я бы точно распрощалась с жизнью.

Меня снова стало распирать от смеха, вызванного тревогой и недоверием. Уолтер Конкрайт и Капитан Очевидность в одном флаконе – эта девчонка не могла быть настоящей.

– О нет! О нет! – раздавались крики того мальчишки, сопровождаемые звуком скользящего тела. – О нет! Не-е-е-ет! – Он взвизгнул так, как не способен орать ни один парень, а после его голос начал удаляться от меня, очевидно, вместе с телом. – Я падаю!

– Боже мой, – прошептала я. – Он выпал. Твою ж... Он на самом деле выпал!

Его вопли эхом отскочили от окружающих нас стен, постепенно стихая, смолкли, а после снова странным образом вернулись, становясь все громче и громче. Как если бы он был уже над нами и продолжал падать. Падать на нас.

– Не-е-е-ет! – Вертолет сотряс глухой стук, следом послышался стон. – Обалдеть!

Это был тот самый парень, который только что выпал! Я что, под кайфом? Неужели мне что-то вкололи, когда брали кровь?

– Обалдеть, – задыхаясь, повторил он. – Я мертв? – Последовал грохот, а потом в меня врезалось тело. – Мне не больно. О нет, мне не больно. Значит, я мертв? – Его голос сорвался на высокое сопрано. – Я УМЕР?

Уолли рассмеялась.

– Мертвецы не болтают. А значит, ты жив. Что можно назвать чудом, учитывая твою истерику. Удивительно, как еще сердце не остановилось. Должно быть, оно у тебя крепкое. А если бы ты сейчас продолжал падать, то к моменту удара о землю достиг бы критической скорости, твои кости прорвали бы все органы, и ты бы буквально разлетелся на куски. Грязновато, зато эффективно, если нужно, чтобы кто-то точно умер. В этой ситуации мало что может спасти тебя от повреждений. На этом этапе тело практически бесполезно.

– Чт... что? – пролепетал парень. – ЧТО? ЧТО ПРОИС...

Донесся стук. Я чуть сдвинула свой мешок и увидела одного из мужчин в очках-авиаторах и черном комбинезоне: он с полицейской дубинкой в руках возвышался над телом парня.

– Что случилось? – спросила Уолли.

– Он отключился. Его вырубил один из охранников, – ответила я.

– Очень жаль. Мне его страх даже казался очаровательным.

Я медленно покачала головой.

– Ты и правда странная.

– Конечно. Так же, как и ты. Как и все мы.

– Все равно я не выпадю отсюда. – С этими словами я легла на живот, распласталась по полу, насколько это было возможно. Нашупала ножку сиденья и зацепилась за нее мысками ботинок. Уж не знаю, как они сумели вернуть этого писклявого парня, но мне бы не хотелось нечто подобное испытать на себе. Я наверняка числилась в их черном списке, и сбросить мое тело было бы, скорее всего, самым простым способом от меня избавиться.

Ощувив сбоку от себя давление, я предположила, что Уолли последовала моему примеру.

– Ты мне нравишься, – сказала она.

– Мне следует сказать спасибо?

– Буду держаться к тебе поближе. У меня хорошее предчувствие, что ты станешь сильным.

Я поморщилась.

– Вот мне повезло. – Тем не менее присутствие Уолли, как ни странно, действовало на меня успокаивающе. Ее познания в том, как погибают люди, нельзя было назвать чем-то нормальным. Однако чем дольше она говорила, тем меньше меня это волновало. В принципе, я не возражала. Может, она не такая уж плохая. По крайней мере, ее болтовня помогала мне отвлекаться, пока мы приземлялись и подбирали кого-то еще, с таким же черным мешком на голове, насколько я могла разглядеть через дырку. Вот только в отличие от меня другие ребята не оказывали сопротивления. Интересно, почему? Что им было известно, чего не знала я?

Время. Которое почти истекло, хотя у меня и не было возможности проверить это из-за связанных за спиной рук.

На протяжении всей несмолкаемой болтовни Уолли в моей голове крутилась одна мысль – я виновата перед папой. Сэм и Билли. *«Простите меня. Я все испортила. Мне очень жаль»*.

С тех пор как я попала в вертолет, мы остановились пять раз. Я мысленно отмечала посещенные штаты. Арканзас, Миссури, Иллинойс, Индиана и Огайо. Во всяком случае, я надеялась, что мы все ближе подбирались к Нью-Йорку. Но был ли у меня способ выбраться из этого ужаса?

После третьей остановки я думала только о том, как бы избавиться от стяжек и пописать. Запястья онемели, а вот мочевого пузыря не давал покоя: всякий раз, когда вертолет проваливался в воздушную яму, мое желание сходить в туалет становилось все нестерпимей.

– Мне кажется, мы почти на месте, – сказала Уолли, прервав свой монолог о том, что вероятность заражения во время пореза бумагой и последующей гангрены бывает лишь у небольшого числа людей – так что это совершенно не подходит в качестве способа уйти из жизни. Порез едва ли можно назвать опасным.

– На месте где?

– А ты не знаешь? – В ее голосе прозвучало неподдельное удивление. – Ты *серьезно* не знаешь?

Вертолет вдруг начал стремительно снижаться, на долю секунды подбросив нас в воздух, и в этот миг невесомости у меня в животе все перевернулось. Как только мы в очередной раз коснулись земли, мое сердце резко подскочило. Времени расспрашивать Уолли о том, что она имела в виду, у меня не было, да это и не требовалось. Наверное, я была полной дурой, раз не догадалась раньше. Тот, кто может угрожать моей семье, способен на любую безумную жестокость.

Они доставили меня на место. Как это мило с их стороны – еще и завернули, как подарок. Мы наконец прибыли на Отборочные испытания.

Глава 8

Кабину вертолета огласил хлопок, будто лопнул воздушный шар, и в мое сознание ворвалось размеренное жужжание лопастей винтов. Что-то определенно заглушало этот звук прежде, отчего нам удавалось слышать друг друга без наушников. Теперь же не осталось ничего, кроме гула и темноты; мое положение облегчала лишь крошечная дырочка в мешке, ставшая моим спасением на время полета.

Тут что-то сильно уперлось мне в спину. Колено. С моей головы сорвали мешок, в глаза мне ударила яркая вспышка света, такая же внезапная, как и звук. Я опустила голову и сощурилась. Кто-то потянул меня за запястья и освободил онемевшие руки, которые сразу же начало покалывать. А после чьи-то крепкие пальцы сомкнулись на моем предплечье.

– Пришло время показать нам, на что ты способен. – Слова прозвучали так отчетливо, как если бы их произнесли мне на ухо. От знакомого голоса у меня мурашки побежали по спине.

Я попыталась открыть глаза, часто моргая в попытке привыкнуть к звукам и свету. На меня смотрел мой старый приятель: ниже меня ростом, коренастый, с руками, выплавленными словно из металла.

Бакенбарды.

– Что вы здесь делаете? – задала я вопрос, самый нелепый из всех возможных. Лучшего мне в голову не пришло. Ведь все это явно было его рук дело, и со мной обращались грубо по его приказу.

Бакенбарды молча потащил меня вперед, мимо других ребят. Я споткнулась о чьи-то ноги и наклонилась всем телом. Крики и вопли, заглушенные гулом вертолета, превратились в сдавленные стоны. Мужчина рывком вернул меня в вертикальное положение, чуть не подтолкнув к самому краю. Под мысками моих ботинок заканчивался пол.

От увиденного у меня отвисла челюсть. Впереди приземлились пять больших вертолетов, еще три висели в воздухе, ожидая своей очереди. Перед нами возвышалась огромная, двадцатифутовая стена из камня, увитая плющом. Она тянулась в обе стороны, прерываемая лишь толстыми металлическими воротами – всего я насчитала пять штук, – которые выглядели так, словно были здесь уже очень давно. Над каждым воротами притаились часовые, обозревавшие открывавшуюся перед ними полосу земли: наготове, почти у всех в руках автоматы. Видимо, каждому из них был отведен свой участок стены.

Меня пробила дрожь. Почему-то часовые без оружия заставляли меня нервничать больше всего.

Из приземлившихся вертолетов вываливались подростки: они падали на землю, пытались встать, терли глаза и запястья. Остальные выстраивались в шеренги или собирались кучками, время от времени подталкиваемые мужчинами и женщинами, одетыми в точности как Бакенбарды.

Однако картина происходящего меркла перед осознанием того, что с тех пор, как меня схватили в аэропорту, солнце почти не продвинулось по небосклону. Мне казалось, я провела в полете целый день, но, исходя из положения солнца, прошло не более двух часов.

Магия.

Поразмышлять на эту тему мне не удалось. Где-то вдалеке над общей какофонией звуков поднялся рев огромного зверя.

– Что это за место? – тихо спросила я, когда наш вертолет с грохотом приземлился.

– Твое будущее. Или твоя могила, – ответил Бакенбарды, услышавший мои слова. А затем дернул меня вправо. – Выбор за тобой.

– Очевидно, нет, раз вы похитили меня и привезли сюда. – Я оказывала ему небольшое сопротивление, чтобы он был вынужден прикладывать усилия. А что в этом случае он еще мог сделать, снова похитить меня?

– Самый важный урок, который необходимо усвоить таким, как ты, – это научиться адаптироваться. – Он направил меня прочь от вертолета в сторону стола. Вокруг него толпились подростки, которые непонимающе моргали круглыми от изумления глазами.

– *Таким*, как я?

Он оттолкнул с дороги девочку с прямыми светлыми волосами, а затем схватил за рубашку долгового парня и, расчищая нам путь, пихнул его в другую сторону. Ребята из моего вертолета только выползали из фюзеляжа и валились на пыльную землю. По всей видимости, Бакенбарды имел на меня зуб, и именно по этой причине я находилась в привилегированном положении. Ай да я!

– Кому-то не помешает поумнеть, а то склеишь лапы раньше, чем успеешь позвать мамочку, – прорычал он.

– Ого, – кивнула я, когда он подтолкнул меня к столу. – Да вы мастер словесности. Практически профессор.

Мужчина полез в огромный карман и извлек из него кепку – мою кепку! Я даже не помнила, как потеряла ее. Он нахлобучил ее мне на голову и потянул козырек вниз. По моему телу пробежал холодок: знает ли он, кто я на самом деле? А как тут не догадаться? Но если да, то почему подыгрывает?

– Билли Джонсон, – рявкнул Бакенбарды, обращаясь к сидящей за столом операционистке – женщине с жестким лицом и такими острыми линиями челюсти, что можно было бы дрова рубить.

Она глянула на меня, потом уставилась в свой компьютер, ее пальцы принялись выбивать по клавишам дробь, удивительно ярко-красные ногти размытым пятном запорхали над клавиатурой. Подростки вокруг нас отпрянули, поглядывая на Бакенбарды и быстро отводя глаза. Он явно заставлял людей нервничать.

– Он еще молод для испытаний. У тебя имеются соответствующие разрешения? – поинтересовалась она голосом, лишенным каких-либо интонаций.

Вот именно, Билли еще слишком молод. Ребята, столпившиеся на участке между вертолетами и внушительными стенами, были похожи на недавних выпускников школы. Одного со мной возраста. Столько же лет было Томми, когда он уехал от нас. Я не знала, что там для нас припасли, но это точно было опасно, и у моего младшего брата не было никаких шансов.

– Вопрос улажен, все разрешения получены, – с легкостью соврал Бакенбарды.

– Что вы имеете против моей семьи? – невольно вырвалось у меня.

Женщина вскинула глаза, когда лежащее рядом с компьютером портативное устройство вспыхнуло голубыми лампочками. Затем многозначительно посмотрела на свой компьютер.

– Не я, – ответил Бакенбарды тихим голосом так, чтобы слышала только я. – А вот наш мир? С тобой и твоей семьей совсем другая история.

Обдумать его слова у меня не нашлось времени. Женщина оторвала клочок бумаги, появившийся из устройства, и протянула его нам через стол. Это оказался именной бейджик, на котором значилось имя Билли и слово «Тень» под ним.

Бакенбарды схватил листок, взял меня за запястье, на котором я носила часы, и потянул мою руку к женщине, вынудив меня выбрать одно из двух: либо наклониться к столу, либо лишиться руки. Он отклеил от бейджика заднюю подложку и прилепил его мне на грудь, задержав на миг ладонь, прежде чем убрать ее.

Мое сердце пропустило удар, я замерла, вглядываясь в свое отражение в его очках, сознавая, что прячущиеся за ними глаза рассматривают меня. За эту напряженную секунду в голове промелькнула мысль: почувствовал ли он мою приплюснутую грудь? По мальчишеским мер-

кам я была худощавой, мое тело было сплошные мышцы, а потому небольшая выпуклость никак не могла сойти за грудные мускулы. Спортивный бюстгальтер плотно прилегал к телу, однако грудь есть грудь и на теле мужчины ощущается совсем иначе. Парень с бакенбардами уж наверняка это знал. Помимо ужасного вкуса в вопросах волосяного покрова на лице и жестких линий, отпечатавшихся на лбу из-за вечно хмурого взгляда, он обладал поразительной наблюдательностью. А значит, хорошо разбирался в женской и мужской анатомии.

В моем сознании снова всплыл вопрос: если ему известно, кто я на самом деле, то почему подыгрывает мне?

Меня охватила неуверенность.

Мое замешательство длилось до тех пор, пока на заднем плане не пискнуло устройство. Часы на моем запястье завибрировали. Вдалеке три вертолета, избавившись от человеческого груза, взмыли в воздух.

– Готово, – сказала женщина.

Бакенбарды развернулся, и у меня вырвался вздох облегчения. Если он и знал – а другому быть не могло, – то не собирался меня выдавать. Он снова взял мою руку и потащил в сторону вертолета, на котором меня привезли. В кабине было пусто. Вертолет вздрогнул и оторвался от земли.

– Смотри под ноги, – предупредил Бакенбарды, ведя меня мимо ворот, где толпилась группа ребят с именными бейджиками: от волнения или предвкушения они переминались на месте. Некоторые улыбались, что казалось совсем неуместным после такого полета. Что, черт возьми, здесь происходит?

Когда мы приблизились к последним воротам, я увидела, что увивающий стену плющ не такое уж милое, послушное растение, как мне казалось сперва. Его стебли были покрыты шипами длиной в дюйм, а листья имели по всей длине зазубренные края, которыми они предупреждающе скребли по бетонной стене. Звук, напоминающий скрежет ногтей по грифельной доске, заставил меня стиснуть зубы.

Мужчина с бакенбардами наконец остановился, но не ушел.

– Твоя сила всегда заключалась в умении адаптироваться. Сейчас то же самое. Приспосабливайся и следуй внутреннему голосу. Не сомневайся в своей интуиции и не игнорируй свою сущность. Делай все возможное, чтобы остаться в живых. Всегда. Это твой единственный шанс.

Я молча уставилась на Бакенбарды, когда он выпустил мою руку. Подростки поспешили отойти от нас в сторону, глядя на мужчину круглыми от испуга глазами, точно овцы, обнаружившие в своем стаде волка. Его совет прозвучал так, словно он знал меня. Как будто он был тренером, которому необходимо напомнить своему звездному игроку о ее подготовке к важному матчу, которую она прошла.

Именно «ее», потому что он точно знал – в этом я теперь была уверена. Он знал, но все равно позволил мне остаться. Почему?

Его слова запали мне глубоко в душу. Я ощущала их правоту. Их мудрость. Что-то внутри меня откликалось на его призыв.

– Будь сильным, – сказал он, прежде чем перевести взгляд на высокие железные ворота, возвышающиеся над нами. – И оставайся на месте. Для тебя это самый верный способ справиться со всем, пока голова будет идти кругом.

Затем он кивнул, как если бы я согласилась, и зашагал прочь. Расправив плечи, он прошел с высоко поднятой головой сквозь толпу взволнованных подростков.

– Что это сейчас было? – пробормотала я себе под нос.

Я не заметила, как ко мне подошла стройная девушка с большими карими глазами и густыми черными ресницами. Она взглядом проводила мужчину с бакенбардами.

По удивительно низкому голосу, напоминающему мне Уолтера Кронкайта и его вечерние выпуски новостей, я узнала в ней Уолли.

– Жизнь вечна, когда ты знаешь нужных людей, – произнесла она.

Тут мое внимание привлекло движение на верху стены, а меня обступили другие ребята. Наверху вдоль самого края рыскал волк, глядя вниз на собравшихся у ворот подростков. Он крутился у ног неподвижно застывшей женщины, одетой во все черное. На поясе у нее болтался огромный нож, из-за спины торчали ножны – оружие располагалось так, чтобы его легко можно было достать. На присутствие женщины волк никак не реагировал. Да и она, казалось, не замечала его движений.

– Что происходит? – выдохнула я, сердце учащенно забилося. Обычно волки не игнорируют людей.

– Привет. – Стройная девушка, встав передо мной, выставила вперед руку. Макушкой она едва доходила мне до подбородка. – Меня зовут Дрексия, – пропищала она. Сейчас ее голос разительно отличался от того баса, которым она сообщала мне странную ничего не значащую статистику. – Меня назвали в честь моей любимой бабули, упокой Господь ее душу. Но друзья зовут Уолли.

Я не смогла сдержать улыбку.

– Вообще-то это я назвал тебя Уолли. В вертолете.

– Именно, – подтвердила она.

Ладно. Видимо, это означало, что теперь мы с ней друзья.

Я выгнула брови, не зная, что ответить. Сказать, что она была еще той чудачкой, – ничего не сказать.

В воздух поднялись последние вертолеты, открыв вид на заваленную густой листвой землю и пологие холмы. Вертолеты использовались неспроста, я это понимала. На многие мили вокруг не наблюдалось цивилизации. Мы находились во власти того, кто управлял этим шоу.

– Как тебя зовут? – спросила Уолли, протягивая мне руку.

– Уайлд. – Я поморщилась и, быстро исправив свою оплошность, понизила голос. – На самом деле Билли.

– Уайлд. Так мне даже больше нравится. Привет, Уайлд. – Руку она не убрала.

– Привет. – Я сжала ее ладонь уверенной хваткой. Мне даже не пришлось изображать крепкое рукопожатие. Когда ты управляешь фермой, то очень часто имеешь дело с мужчинами, а рукопожатие многое говорит о человеке. Я быстро научилась твердому рукопожатию. Вялое в Техасе не приветствовалось.

В ту же секунду землю сотряс глубокий рык, настолько мощный, несмотря на большое расстояние, что у меня клацнули зубы. Я уже слышала такой раньше. Волк проследовал по стене в обратном направлении – сама я не видела, но ощутила, будто зверь прожег меня взглядом.

– Тираннозавр рекс, которого часто еще называют Ти-рексом, жил приблизительно шестьдесят восемь – шестьдесят шесть миллионов лет назад на западной территории современной Северной Америки, – проговорила Уолли, встав рядом со мной.

С другой стороны от меня возник рыжеволосый парнишка, которого я тут же мысленно окрестила Веснушкой.

– С чего это Песочный человек привел тебя сюда? – поинтересовался Веснушка у меня, пока Уолли разглагольствовала о Ти-рексах и особенностях их питания.

– Песочный человек? – переспросила я, наблюдая, как волк в очередной раз прошел мимо нас. – Как это... почему... я что, брежу?

– До настоящего времени еще ни один человек в этом веке не умер от растерзания, так как этот способ смерти имеет прямое отношение к Ти-рексу, – произнесла Уолли, прежде чем болтовня вокруг нас возобновилась.

– Да, Песочный человек, – подтвердил Веснушка, не волнуясь, что в эту минуту кто-то еще со мной говорил. Чудо, что я вообще смогла сосредоточиться на чем-то еще, помимо крупного хищника, разгуливающего по стенам смертельного сооружения. – Среди таких, как он, за всю карьеру у него больше всего убийств. Ходят слухи, что он стал миллионером благодаря выполненным дорогостоящим контрактам, но сейчас почти ни на что не соглашается, потому что они ему наскучили. Ему хочется принять более серьезный вызов. Вот почему он пришел преподавать в Дом Теней. А еще ходят слухи, будто он собирает собственную армию. И сейчас идет первый набор. Он тебе что-нибудь говорил?

– На сегодняшний день, – продолжала Уолли, теребя пуговицу на свитере и глядя на вершину стены, – Песочный человек отправил в могилу более тысячи человек – это только те, о ком нам известно. В Доме Теней он имеет репутацию самого кровожадного, чем наводит ужас на учеников и вызывает серьезные споры между преподавателями и директором школы.

– Да, так и есть, – подтвердил Веснушка. – Ты его знаешь?

– Он угрожал расправой моей семье, если я не появлюсь. – Я скользнула взглядом по стене, а потом привстала на цыпочки. Мой рост в шесть футов, может, и не считался рекордным, даже для девушки, но его вполне хватало, чтобы видеть поверх толпы.

Перед каждым воротами теснились группы подростков. Некоторые стояли ближе к стене, но большинство сгрудилось в стороне. По тому, как они толклись на месте, переминались с ноги на ногу, было ясно: они не испытывали радостного волнения относительно того, что скрывалось за этими стенами. А это, в свою очередь, говорило о неизвестности. О возможных неприятных сюрпризах.

– А-а. – Веснушка кивнул, будто мой ответ все объяснял. – Ты, должно быть, из списка «трудных», не повезло тебе с ним. Многие сомневались, что он справится со своей ролью вербовщика для Дома Теней, потому что ему не хватает навыков манипулирования. Но, очевидно, он отыскал другой, более привычный ему способ.

Я с хмурым видом уставилась на Веснушку: общий смысл его слов был ясен, но в то же время сбивали с толку непонятные термины.

– А? – вот и все, что я сумела выдать из себя.

– Да, он наверняка доставил тебя сюда специально, чтобы доказать свою правоту. И это отстой, чувак. – Веснушка покачал головой и чуть сдвинулся в сторону. В это время вдоль края стены грациозно вышагивала красивая женщина с палочкой в руке, на ее губах играла безмятежная улыбка. – Здесь и без того страшно. Не хватало вдобавок ко всему получать от него угрозы.

– Дом Чудес, – вмешалась Уолли и, понизив голос, добавила: – Остерегайся всего, что обольщает и восхищает, ибо под магической мантией скрывается клинок.

– Что это за место? – спросила я, когда красавица проследовала мимо женщины в черном. Та стояла неподвижно, так что я почти забыла о ее существовании. Почти.

Уолли перевела на меня взгляд.

– Разве родители ничего тебе не рассказывали? А я-то все гадала, пока мы находились в вертолете – в этом металлическом чудовище, не приспособленном для полетов.

Я помотала головой.

– Нет. Наверное, забыли включить это в свой список сказок на ночь.

– Они ничего тебе не рассказали? – Веснушка тоже обернулся ко мне и смерил взглядом. – Но почему? – Потом сочувственно понурил голову. – Тоже считали обманом? По словам моего отца, я должен был пройти через это в таком же неведении, как и он сам когда-то. Только так я стану мужчиной. Но мама все равно рассказала обо всем, с чем я могу здесь столкнуться. Так что не волнуйся, приятель, я тебе помогу.

– Внимание, – произнесла прошедшая мимо нас красотка. И хотя мне почти не было ее видно, голос женщины звучал совершенно отчетливо. – Прошу минуту вашего внимания.

Доносящиеся под стеной шум и гам стихли. Несколько пальцев указало в ее сторону.

Женщина продолжила идти по стене, пока не остановилась там, где, по всей видимости, располагался ее центр – над средними железными воротами.

– Добро пожаловать на ежегодные Отборочные испытания. – Она воздела руки к небу, и со всех сторон поднялись радостные возгласы. – Именно здесь мы проверим вашу отвагу. Вашу силу. Вашу скорость. Ваши знания и умения. И здесь вы узнаете, обладаете ли всем необходимым, чтобы быть принятыми в Академию теневых заклинаний, или же обречены на жизнь... *посредственности*.

Пока она говорила, гул голосов нарастал. Ноги с шарканьем передвигались по земле. Тела прижимались друг к другу, в воздухе витали беспокойство и волнение.

– Очень надеюсь, что я справлюсь, – тихо проговорил Веснушка. – Отец сказал, что откажется от меня, если я провалюсь. Конечно же, он пошутил, но... – Его голос перешел в приглушенное бормотание. – Я уверен, что он пошутил...

– Восемь из десяти человек проходят первый этап Отборочных испытаний, – сообщила Уолли. Она продолжала теребить верхнюю пуговицу на свитере, не сводя глаз с женщины на стене. – Чаще всего первыми выбывают пустышки и физически неподготовленные, уступая место в борьбе выносливым и магически одаренным претендентам – беспощадная конкуренция, основанная на изменах и предательствах. Академия раздавливает тебя. Сгибает. И в конце концов ломает. Из одиннадцати покинувших испытание только один звонит в колокол и добровольно уходит, стыдливо опустив голову. Остальные покидают поле брани, ощущая себя никчемными и обездоленными, вынужденными вести подобие жизни в соответствии с нормами. Они навсегда остаются в истории как выбывшие неудачники. Посредственности.

– Класс. Да она – настоящая зануда, – проворчал Веснушка. – Кто вообще делает все эти подсчеты?

Уолли, понизив голос, откликнулась:

– Не вы выбираете Академию. Академия выбирает вас.

– Что за фигня? – Рыжеволосый парень наклонился вперед и выглянул из-за моей спины, чтобы лучше ее видеть.

У меня голова уже шла кругом. Магическая академия? Наемные убийцы? Бродящие по крепостным стенам огромные волки? Расскажи мне отец об этом, я бы ни за что не поверила.

Но когда ты сам видишь это перед собой, своими глазами... как можно усомниться?

Я оказалась совсем не готова к такому повороту событий. Черт возьми, я ведь обычный человек. И всегда им была.

В это мгновение мои мысли заглушил мамин голос, возникший из ниоткуда: *«Магия вокруг нас, Уайлд. Она повсюду. Во всем. В тебе самой. Люди слетаются к тебе, как мотыльки на пламя. Ты рождена для того, чтобы оседлать ветер, моя дорогая. Так лети вперед. Твое время придет»*.

В тот день эти слова мало что значили для меня. Я вот-вот должна была схлопотать за то, что уговорила брата и Рори влезть вместе со мной в соседский загон для быков. Я была в полной уверенности, что мы сможем приручить того однорогого приятеля, обладающего к тому же очень скверным характером. А в итоге чуть не угробила нас. Отец был слишком зол, чтобы разбираться со мной, поэтому отправил к маме, которая должна была закончить взбучку вместо него и определить наказание.

Но она решила меня не наказывать. Томми пришел в ярость, даже Рори был разочарован – оба хотели, чтобы мне как следует всыпали за то, что я заставила их рисковать жизнью. А вместо этого никого ни в чем не стали винить, даже их – за соучастие.

И когда мама говорила мне все эти слова о магии, я и представить не могла, даже в самых дерзких мечтах, что речь идет о настоящей магии, как в детских книжках. А теперь я стояла

среди толпы подростков, которые, по всей видимости, выросли не только на овсяных хлопьях, но и на подобных историях.

– Попрощайтесь с внешним миром, – тем временем продолжала женщина, ее волосы эффектно развевались за спиной, точно у модели, стоящей напротив фена. И хотя с такого расстояния мне было не видно, я знала, что сейчас на ее губах играет милая улыбка. Фальшивая улыбка, за которой, как сказала Уолли, скрывается сверкающее лезвие. – Мобильные телефоны вам не понадобятся. Здесь нет ни компьютеров, ни социальных сетей, ни спутников навигации. Здесь важны только ваша смелость и отвага. Часы у вас на руках помогут нам отслеживать ваш прогресс в каждом испытании. Если снимете их, ваше время пребывания здесь будет не засчитано. Чтобы заработать все очки, придется пройти до конца. В качестве дополнительной награды собирайте золото. И как всегда, держите друзей близко, а врагов еще ближе. Увидимся на другой стороне.

С этими словами женщина отошла в сторону, выставила вверх свою палочку. Быстрый взмах руки – и все тяжелые металлические ворота в стене, задрожав, стали с глухим стуком отворяться. Они открывались постепенно. Скрип металла сопровождался грохотом, который Уолли приняла за рев Ти-рекса. Подростки позади меня встали плотнее, но никто не спешил идти вперед. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что то же самое происходит возле других ворот. Люди собирались в группы, однако никто не осмеливался сдвинуться с места.

В это мгновение мой нос уловил тот же знакомый слабый аромат. Земли, пота и пряной ванили. Запах дома и уюта. Бесшабашной драки и заварушки.

На моих губах медленно расплзлась улыбка, и я уцепилась за мамины слова:

«Ты рождена для того, чтобы оседлать ветер, Уайлд».

Глава 9

– Какая у нас будет стратегия? – Я подхватила под руки Уолли и Веснушку и зашагала к воротам, открывающимся перед нами. Будь я проклята, если отправлюсь туда одна. А эти ребята, похоже, знали, чего стоит ожидать. Вместе мы сильнее – это я уяснила еще со времен детства с Томми и Рори.

– Итак. – Веснушка торопливо семенил рядом, пытаясь подстроиться под мой длинный шаг. – Человек на вершине этого сектора, очевидно, принадлежит к Дому Теней, а значит, ему и будет посвящен этот участок. Если твоим вербовщиком выступил Песочный человек, получается, ты в своей стихии.

– По твоим словам, они убивают людей. Думаешь, это и есть мой профиль? – скептически поинтересовалась я.

– Мой профиль – создание передвижных банков памяти, – вставила Уолли.

– Какая гадость! Ты же, надеюсь, не некромантка? – простонал Веснушка, глядя на Уолли. – Именно так они всегда и говорят. Мертвых нельзя использовать для восстановления информации. Это неправильно. Совершенно.

– В воскрешении из мертвых есть свои преимущества, – ответила Уолли, когда ворота перед нами распахнулись шире. Мы были почти внутри, возглавляя группу не особо уверенно шагающих участников испытания.

– Нет, их нет, – возразил Веснушка. В моем сознании сработал сигнал, оповещающий об угрозе, и прокатился вдоль позвоночника. – В том, чтобы вернуться после смерти разложившимся трупом, *нет ничего хорошего!*

– Стойте, – прервала я их, замедлив шаг, как только мы добрались до открытых створок ворот. Схватив Уолли за локоть, я отступила в сторону. Веснушка юркнул за наши спины.

– Что такое? – прошептала девушка.

Узкая тропинка вилась от ворот и скрывалась в густом лесу красных деревьев. Зеленая трава пробивалась между зарослями хитро переплетенных сорняков и редких кустарников, в которых с легкостью можно было запутаться, если попытаться прорваться сквозь них.

Следующие за нами ребята тоже сбавили шаг, и я сразу поняла: они ждут, кто решится пойти туда первым. А как иначе? Ведь мы входим в логово проклятых хищников, славящихся убийством людей. Даже если это и была какая-то изощренная шутка, которая мне не казалась смешной, к ней точно приложил руку Бакенбарды, а у него явно опасное чувство юмора. В этом месте прятались монстры, и у них имелось преимущество перед нами.

Я сжала запястье Уолли по той же причине, по которой в прежние времена сжимала руку Томми – ради поддержки и призыва двигаться дальше. Внезапно мою грудь сковала боль утраты. Останавливался ли он возле этих ворот, как я сейчас? Ждал ли, когда кто-то сожмет его запястье, как это делала я в потенциально опасных ситуациях?

– Пройдем насквозь или обойдем? – тихо спросила я, медленно двинувшись вперед. Нынешняя обстановка ничем не отличалась от тех случаев, когда мне приходилось красться через дикую чащу по следам зверя, уничтожающего наш скот. Сейчас была важна настороженность. И готовность действовать.

– Судя по маминым рассказам, многие шли в обход, но сама она жалела, что не пошла насквозь, – ответил Веснушка. – Хотя она никогда не общалась ни с кем из этого дома.

– Согласно истории академии, из тех, кто пошел прямо, три процента погибли, – прошептала Уолли. – Шестьдесят пять процентов дошли до конца.

– А сколько погибло из тех, кто решил идти другим путем? – поинтересовался Веснушка.

– Ни одного, – ответила она. В эту минуту от группы подростков отделились несколько крепких на вид парней. Они, минуя тропинку, медленной походкой направились прямо. – Но из них только пятьдесят процентов справились.

– Значит, у нас больше шансов победить, если мы пойдем прямо, хотя при этом мы можем погибнуть? – голос Веснушки сорвался на писк. – Разве это шансы?

– Этот шанс выше, чем выжить, летая на дельтаплане во время урагана, – невозмутимым тоном проговорила Уолли.

– Ну вот почему у тебя настолько хорошо с математикой, но напрочь отсутствуют навыки общения? – взвизгнул он, его голос повысился на несколько октав. Меня вдруг осенило, что это он тогда верещал в вертолете. – Это не нормально.

Мимо нас проскользнула стайка из пяти девиц, все они были в черном, вплоть до накрашенных черным ногтей, и направилась к тропинке. При этом они прижимали руки к груди и хихикали. Девушки походили на раздражающих глупышек. Всем своим видом показывающих: мы со всем справимся, без проблем. Но их плавная походка и серьезный взгляд говорили совсем о другом.

О чем – я разгадала без труда.

Если бы я увидела, как подобная компания пробирается ночью в наш городской парк, сразу бы решила: они явно замышляют что-то недоброе, это уже не первое их родео, и любая попытка последовать за ними, даже из любопытства, приведет к последствиям.

Тут в моей голове что-то щелкнуло. Меня посетило странное осознание.

– Они отсюда, – удивленно проговорила я. – Уолли, из тех шестидесяти пяти процентов, кто прошел до конца, сколько человек осталось в этом доме?

– Хороший вопрос. – Она задумалась. – Полагаю, где-то процентов восемьдесят. Довольно большой процент тех, кто выбрал другой путь, состоят не в этом доме.

– То, что она делает, просто ненормально, – повторил Веснушка. – Это другой язык, на котором говорят только психопаты.

В эту секунду вперед вышел невысокий парень с палочкой, сильно напоминающей ту, что держала в руках та женщина, и зашагал вперед. Сразу видно: тупой, как пробка. Сверкнув улыбкой стоящим позади ребятам – видимо, своей публике, – он шутливо поклонился, после чего ступил на дорожку.

Я знала, о чем думает этот позёр: если группка глупых девчонок способна пройти, то я и подавно.

Я расплылась в улыбке.

Эти девушки увлекали за собой самонадеянных идиотов. Здесь, в этом окружении, они чувствовали себя уверенно, и их целью было навредить тем, кто не понимает, с чем они столкнулись.

– Потрясающе, – проговорила я, мое сердце учащенно забилось, а желудок свело. – Конечно, очень запутанно, но все равно... класс.

Позёр глянул на часы, одарил свой фан-клуб улыбкой и пошел вперед. Тут же небольшая группа подростков двинулась за ним: парни – излучая напускную храбрость, девчонки – щебеча и нервно хихикая.

Крючок, леска и грузило – вот и все, что нужно, чтобы поймать безмозглую рыбку.

– Идемте. – Схватив за руки своих спутников, я поспешила следом за Свитой Позёра.

– Только что нам сообщили массу статистики, разве этот путь для нас не смертелен? – поинтересовался Веснушка, семена за мной, его круглое лицо уже покрылось потом.

– Для нас – да, – сказала Уолли, которую даже не требовалось тащить – она шла добровольно. – А вот для него, – она кивнула на меня, – узнаем.

Выпустив их руки, я сказала:

– Да, этот путь смертелен для нас всех, – и вынудила себя замедлить шаг, когда мы приблизились к тропинке. Мне требовалось обдумать дальнейшие действия.

Логика подсказывала идти в обход. Черт, даже статистика говорила об этом. Ни один человек, отправившийся другим путем, не погиб. Бакенбарды, по всей видимости, считал, что я добьюсь успеха в Доме Теней, и кто-то еще, очевидно, полагал, что мне – точнее, Билли – здесь самое место, только я этого не знала. Не знала ничего. Нам следовало выбрать более легкий путь, как сделали те, кто не принадлежал к этому дому.

Вот только...

Что-то в поведении девушек манило меня. Тянуло вслед за ними. И это было не просто нерациональное желание следовать за ними или предчувствие, что их действия объясняются опасностью этого места. Они намеренно уводили остальных по этому пути. Закидывали приманку в игре на выживание. А значит, понимали, что делают. Имело смысл клонуть на нее и сесть им на хвост – до тех пор, пока нас разделяет Свита.

«Не игнорируй свою сущность. Делай все возможное, чтобы остаться в живых. Всегда».

– Ну ладно, Бакенбарды, – пробормотала я себе под нос, остановившись перед тропинкой. – Ты победил.

Поставила одну ногу в центр дорожки, следом – вторую. Часы у меня на руке завибрировали, и на экране высветилась надпись: *«Ты сделал свой выбор. Удачи».*

Внезапно что-то ударило меня в спину, толкнув вперед. Я быстро оглянулась – ничего.

Удивленно развернулась и выставила руку. Моя ладонь уперлась в нечто твердое, отделившее меня от дорожки, точнее, от того пути, который я не выбрала. Оно походило на плексиглас, только это было не стекло, и его нельзя было увидеть.

Уолли и Веснушка, стоя бок о бок, глядели на меня с другой стороны невидимой преграды, а в это время в воздухе разносилось громкое эхо разговоров и смеха Свиты, как если бы мы оказались заперты в одной неосязаемой капсуле.

У меня сдавило грудь, я не могла сделать вдох.

Магия. Настоящая, истинная магия поймала меня в ловушку на этой дороге. Маленькая упрямая частичка моей души, которая до сих пор не могла поверить, была не в силах больше отрицать происходящее.

– Как тебя зовут? – крикнула я Веснушке, не понимая, почему мне вдруг понадобилось это знать сейчас. Возможно, на тот случай, если мы все умрем.

Он нахмурил лоб и немного подался вперед. Его губы беззвучно произнесли: *«Что?»*

– Как тебя зовут? – повторила я. Мне нужно было развернуться и быстро догнать Свиту, но я чувствовала, что должна срочно узнать его имя.

Веснушка нахмурился еще сильнее, легонько покачал головой и шагнул вперед.

– Что? – снова спросил он, поставив вторую ногу на дорожку. Его голос зазвучал громче и отчетливее.

Я шумно втянула воздух. Терзаясь чувством вины, опустила глаза на его ноги – обе стопы уверенно стояли на тропинке. Часы на его запястье завибрировали. Как только он прочитал послание, наши взгляды встретились.

Я только что случайно заманила его на этот путь. Та группа девчонок преподавала мне урок, и я незамедлительно, сама того не осознавая, применила его на практике.

– Как тебя зовут? – уже тихо спросила я, в моих словах слышалось раскаяние. Я мысленно проклинала Песочного человека за то, что он втянул меня во все это. Ругала родителей, что те никогда не рассказывали, куда однажды я могу попасть.

– О, Пит. Только не зови меня Питером. Братья вечно дразнили меня. Просто Питер – это мужское имя, а не член⁵. – Он закатил глаза. – Ладно, забей. – И выставил кулак.

⁵ Помимо имени, «peter» в английском языке имеет значение полового члена, пениса.

Я привыкла к рукопожатиям. В моей прежней фермерской жизни не существовало обычая биться кулаками. Мне от этого почему-то становилось не по себе.

– А я... Билли, – вовремя спохватилась я. – Прости, Пит, если ты не хотел идти этим путем. – Я чувствовала, что обязана внести ясность. А потом вспомнила: парни обычно не извиняются – они склонны сваливать вину на других. Поэтому быстро добавила: – Но все-таки шагнул на него, так что... сам виноват.

Тут к нам присоединилась Уолли, отпихнув Пита с дороги.

– Ребята, я вас не слышала. Я что-то пропустила?

– Это Пит. – Я указала на Веснушку большим пальцем.

– Привет, Питер, – деловым тоном поздоровалась Уолли и протянула ему руку для пожатия – в точности, как со мной.

Пит сердито зыркнул на нее и отошел ко мне.

– Конечно, я собирался идти этим путем. Тебя ведь привел сюда сам Песочный человек. А он проявляет внимание только к лучшим. Так что лучший шанс для меня справиться с испытанием – держаться тебя, приятель.

В ответ я язвительно рассмеялась. Им неоткуда было знать, что Бакенбарды пытался затащить сюда моего брата, а в результате получил меня. Я не понимала, какую игру вел этот мужчина: он не отрицал того, что моя семья выступала мишенью, но совершенно не возражал, что вместо Билли отправилась я. Одно радовало: я знала то, чего не знал Томми.

Я знала, как сражаться не по правилам.

Глава 10

Свита шла впереди, плутая между высокими деревьями. По пути они трогали то один, то другой ствол. Я подавила в себе желание последовать их примеру. Что бы это ни было за место, я не доверяла ему, а значит, никаких лишних, без надобности, прикосновений. Две плетущиеся позади девчонки жались друг к другу и в страхе оглядывались по сторонам. Вот уж кто точно в этом испытании оказался не в своей стихии, судя по мелированным волосам и дизайнерским вещам. Зато нам это было только на руку. Те чудовища, что могли таиться здесь, в первую очередь выберут самую слабую жертву. А это, безусловно, они.

– Будем использовать их в качестве «доноров», – проговорила я тихим голосом, чтобы меня могли слышать только Уолли и Пит.

– В смысле? – Пит, нахмурив брови, непонимающе уставился на меня.

– Донор, – повторила я, удивленная, что он не знает о таком понятии. – Машина, едущая впереди тебя на высокой скорости. Ты пристраиваешься за ней следом, и в случае, если полицейский с радаром засекает превышение, первым останавливает и штрафует «донора». Об этом знает любой парень. Это же основы вождения.

Веснушка залился стыдливым румянцем, и мне стало его немного жаль.

– У меня еще нет прав, – промямлил он. – Но я много играл в «Гран Туризм»⁶.

Речь, должно быть, шла о видеоигре – то, во что я никогда в жизни не играла. В детстве я считала везением, если у меня хотя бы дважды в неделю появлялась возможность выбрать передачу по телевизору.

Я поняла, что нам пора двигаться дальше, и подняла обе руки.

– Давайте подойдем к ним ближе. Нужно следовать за ними так, чтобы видеть все происходящее, но при этом не влезать самим. Все ясно?

Я двинулась вперед, мои спутники – следом. Уолли сложила ладони перед собой.

– Две мили заброшенных земель – стандартная протяженность каждого испытания, – сообщила она. – Хотя те, кто пробегает их, часто утверждают, будто они намного длиннее.

– Я и одну-то милю не могу пробежать, не то что две! – Лицо Пита пошло ярко-розовыми пятнами, как будто он уже бежал.

Я покосилась на него.

– Если мы сделаем все правильно, нам не придется бежать.

Не успели мы сделать несколько шагов, как окружающий свет померк и опустились странные сумерки. Между стволами деревьев сгустились тени, скрывая дорогу впереди.

А потом картина начала преобразаться.

– Обалдеть, – прошептал Пит.

В эту минуту мне на ум пришло совсем другое слово.

Деревья дрогнули и завертелись, отчего у меня закружилась голова. Затем они стали стремительно расти, их ветви поползли в стороны и вверх, цвета и внешний облик изменились, и вот мы уже оказались окружены высокими зданиями. Земля под нашими ногами мгновенно затвердела и превратилась в бетон. Где-то вдалеке ночной воздух прорезали звуки машин, сменяя пение птиц и мягкий шелест листьев.

– Мы в городе, – произнес Пит.

– Какая пронизательность, – пробормотала я.

Прямо перед нами между рядами зданий тянулся узкий переулок. В самом его конце я заметила мерцающую табличку, которая висела достаточно высоко. «Выход».

⁶ Gran Turismo – серия гоночных видеоигр, разработанных компанией Polyphony Digital для игровых консолей компании Sony.

– Началось, – сказала я. Во мне постепенно нарастало предвкушение первого испытания, пока мое тело не натянулось, как гитарная струна.

Уолли пристроилась сбоку и попыталась просунуть руку под мой локоть. Я отмахнулась от нее.

Хотела, чтобы руки у меня были свободны.

– Впереди тех идиотов не видно? – поинтересовалась я.

– Нет, – ответили напарники в один голос.

Отлично, одной проблемой меньше.

– Что ж, прости, Пит, я соврал, – проговорила я и сорвалась с места, нырнув в переулок.

Пит застонал.

– Так и знал, что не нужно злоупотреблять «Сникерсами». И надо было ходить в спортзал.

– Каждый год от употребления шоколадных батончиков с арахисом умирает от тридцати пяти до пятидесяти шести человек, не подозревающих о наличии у них аллергии на арахис. Еще больше людей умирает от остановки сердца во время занятий спортом. Люди в возрасте пятидесяти лет регулярно падают замертво во время бега. Ты должен радоваться, что тебе удалось дважды избежать смерти.

– Не считая того, что сейчас я бегу, – прохрипел он.

– Ага. Твои шансы дойти до конца испытаний тают на глазах, – торжественно заключила Уолли. – Желаю удачи.

У меня непроизвольно дернулись уголки губ. Кажется, Уолли даже не подозревала, насколько она смешная, что делало ее еще более забавной.

Проскочить переулок оказалось легко, никаких видимых препятствий нам не встретилось, все шло ровно и гладко – и *это* заставляло меня нервничать. Внезапно впереди послышался крик, затем еще, перерастая в ор. Нормальный человек остановился бы, возможно, даже развернулся и убежал прочь.

Но я лишь ускорила, поддавшись инстинктам, которые руководили мной всю жизнь. Если кто-то кричит, нужно бежать на помощь.

Пит и Уолли принялись шипеть, чтобы я сбавила темп, не торопилась и не вмешивалась, но я продолжала бежать, пока переулок не закончился Т-образным перекрестком. Тут я остановилась, прислушалась и попыталась определить, с какой стороны доносится шум.

Поскуливание, чуть громче шепота, повело меня налево. Я пригнулась к земле, прижалась боком к стене, а на другом бедре нащупала ножны. Вынула из них самодельный клинок.

На всякий случай.

Крошечная часть моего сознания пыталась указать мне на безумие происходящего, которое совершенно не вязалось ни с одним из тех сценариев, что я пережила за восемнадцать лет своей жизни. Внутренний голос пытался предупредить меня об опасности, но я прекрасно научилась затыкать его.

На другой стороне переулка, над дверным проемом, зажегся свет. У входа в здание лежала скорчившаяся фигура, на волосах отчетливо выделялась кровь. Я видела этого парня поначалу со Свитой. Из всей компании он был самым низким. Светлые, практически до белизны, волосы, худощавое телосложение и рост около пяти футов. Сэм явно весила больше, а она была кожа да кости.

Послышалось шарканье ботинок по асфальту.

– Не бросайте меня, – прохныкала скрюченная фигура, сжавшись еще плотнее в клубок.

– Прикончите гоблина, он нам не нужен, – прокричал кто-то за чертой света. Надменный, интеллигентный и жестокий, этот голос был типичным образцом того, как хорошее воспитание могло закончиться полнейшим провалом. Я поджала губы. Мой мозг попытался осмыслить фразу про гоблина. Нет, сейчас некогда было об этом думать.

За приказом последовал взрыв смеха, а после топот убегающих ног. Из тени выступили четыре массивные фигуры и окружили парня, лежащего на земле. Ими оказались не восемнадцатилетние подростки – лабиринт явил свое первое испытание.

Запах Пита я уловила раньше, чем сам он появился рядом со мной – слабый мускусный аромат. Я сморщила нос. Из его рта вырвался тяжелый вздох.

– Гоблин, – прошептал он. – Эти отморозки разделяются с ним. А мы можем тихонько проскользнуть мимо. С помощью него отвлечем их внимание, как это сделали остальные.

Уолли, появившаяся через секунду после Пита, кивнула.

– Такой план даст нам отличную возможность выжить и увеличит наши шансы на семьдесят пять процентов.

Разумеется, так и будет, если ради спасения своей жизни мы пожертвуем чужой.

Но для меня такой подход был неприемлем. Я не собиралась оставлять паренька этим отморозкам. Будь он хоть сто раз гоблином, он не заслуживал такой участи.

– Вы двое идите вперед, а я следом за вами, буду прикрывать сзади. – Им необязательно было знать, что я задумала.

Уолли первой двинулась вперед, прижимаясь к стене дома. Как только она достигла края светового круга, образованного единственной мерцающей лампочкой, у нее от страха округлились глаза. Она оказалась на виду у шайки отморозков, однако взгляды тех были прикованы к маленькому пареньку, который всем телом вжимался в стену, будто надеялся раствориться в ней.

Скорее всего, мальчишка полагал, что будет надежнее отправиться следом за большой группой парней. Но те заманивали свою жертву вовсе не так, как та стайка девчонок. Они взяли его с собой, пообещав безопасность, благодаря своей численности.

Во мне вспыхнула злость. Одно дело завлекать глупых дурачков, и совсем другое – давать ложное обещание тому, кто тебе доверился.

Я знаком велела Веснушке идти, и тот с удивительной проворностью двинулся следом за Уолли.

Послышались глухие удары ботинок, обрушившихся на тело. Я не могла ждать, пока Пит прошмыгнет мимо парней.

Извини, приятель.

И вышла на свет.

– Вы, наверное, очень крутые, раз избиваете парнишку, да? Но четверо на одного? Вы серьезно?

Пит взвизгнул, выдав свое присутствие, когда четверо громил одновременно медленно развернулись.

Хотелось бы мне сказать, что в это мгновение я не испугалась, не отступила назад, что перед моим мысленным взором не пронеслась вся жизнь, но это было бы неправдой. Эти отморозки... у них не было лиц. Я имею в виду, вообще. Ни глаз. Ни губ. Ничего, только бледный кусок плоти со странными клоками свисающих волос. Эти создания не были людьми, даже близко на них не походили.

По моей спине пробежал холодок ужаса, а язык начал нести всякую чушь.

– У вас случайно нет фломастера? Я могла бы нарисовать вам брови. Такие широкие, кустистые. – Я улыбнулась, преодолевая страх, во мне просыпалась и рвалась наружу моя бесшабашность.

Да, это было опрометчиво.

Ближайшая ко мне *тварь* подняла руку с коротким ножом. Я сделала то же самое.

– Из вас получились бы отличные мимы. Просто великолепные. Могли бы заработать кучу денег на гастролях. Постепенно поднялись бы.

– Я сейчас описуюсь, – взвизгнул Пит.

Вооруженная ножом безликая *тварь* кинулась на меня, целясь лезвием прямо в живот. Я вильнула в сторону и, взмахнув оружием, рассекла ей руку. Когда нож вонзился в кость, я поморщилась. После такого удара должна была хлынуть кровь. Целый фонтан. Должно было произойти хоть что-то.

Я выдернула нож, но *тварь* не остановилась даже на долю секунды, а на ее руке не выступила ни одна красная капелька.

Второе громадное существо устремилось к Питу. Я быстро отрезала ему путь, пырнув ножом туда, где по идее *должны* были располагаться почки. Оно развернулось ко мне лицом, я упала на колено и откатилась в сторону.

Тогда Пит – скажем спасибо его глупости – ринулся в бой. Благодаря тому, что твари находились к нему спиной, они не видели его приближения.

– Билли, я поймал одного! – закричал он, взобравшись на спину ближайшего к нему монстра. У меня отвисла челюсть.

Как, черт возьми, ему это удалось? Словно у этой штуковины сзади имелись поручни. Если я собиралась в этой битве победить, мне нужно было понять, с чем я имею дело.

– Уолли, что это вообще такое? – выкрикнула я. Подобралась ближе к одному из созданий и со всей силы впечатала ботинок в его колено. Хруст получился громкий. Будь это человек, его такой удар точно вывел бы из строя: переломал кости и выбил коленную чашечку. Но не в этом случае. Чудовище едва покачнулось.

– Големы, – ответила Уолли. – Человекоподобные существа, полностью созданные из неживой материи. Их создатель управляет ими с безопасного расстояния. От руки голема погибло меньше одной тысячной процента человек. Правда, все эти смерти произошли во время Отборочных испытаний.

Ну, разумеется.

Помолчав, Уолли добавила:

– Если тебе это поможет, они являются персонажами еврейской мифологии.

– *Не* поможет! – откликнулась я и пригнулась, когда у меня над головой просвистел нож. – Если только один из вас еврей и знает, что нужно делать.

Ответом мне было молчание – все ясно.

– Я его поймал! – снова взвизгнул Пит. Он сидел на големе, обвив его шею руками и широко расставив ноги.

Это было то еще зрелище. Ни одно техасское родео не могло с таким сравниться.

– Отменная информация, Уолли, но как мы их остановим? – Я увернулась от огромной ноги, целящейся в мою голову. До чего же эти здоровяки гибкие. Нога пролетела всего в нескольких сантиметрах от моего лица, я только ощутила ветерок, скользнувший по щеке.

– Их не нужно убивать, – подал голос с земли парнишка-гоблин. – Просто оставляешь им кого-нибудь на растерзание, а сам бежишь дальше. Именно так все и происходит.

– Только не сегодня, – ответила я и нырнула между двумя големами. Те развернулись следом за мной, их ноги и руки задвигались в разных направлениях. Подберись я к ним ближе, может, удалось бы сделать так, чтобы они налетели друг на друга. – Пит, приготовься бежать.

Я встала между двумя големами и уперла руки в бока.

– Ну ладно, уродцы, посмотрим, на что вы способны.

Здоровяки одновременно развернулись на мой голос – один вправо, другой влево. Я успела припасть к земле раньше, чем произошло столкновение. Они врезались друг в друга с громким треском, словно Шалтай-Болтай разбился вдребезги. Я в это время подползла к парнишке, все еще прижимающемуся к стене. Оглянулась через плечо. Теперь два голема лежали на земле, загораживая путь двум другим. Прекрасно.

Питу удалось сбежать – его нигде не было видно. На какое-то время мы спасены, но долго это не продлится.

– Надо делать ноги.

Парнишка поднял на меня глаза – круглые, непропорционально большие по сравнению с остальным его лицом.

– Почему ты это делаешь? На Отборочных испытаниях никто никому не помогает.

Я не собиралась ему говорить, как сильно он напомнил мне Билли. Если бы мой младший братец отправился вместо меня, то наверняка совершил бы ту же ошибку, что и этот парень – увязался бы за большими парнями в надежде, что с ними ему будет безопаснее.

Билли никто бы не спас, зато я могу спасти этого мальчишку.

– Сейчас не время. – Я схватила его за руку и закинула себе на спину. Сколько раз подобное я предельвала с Сэм? Сотню. А он весил даже меньше, чем она.

Увернувшись от шатающихся големов, которые пытались встать на ноги, я врезала по коленям тем, что еще стояли, в попытке замедлить их. Выглядели они странно, двигаясь молча и неторопливо. Испытание оказалось не слишком трудным, если признаться.

– Бегите! – крикнула я Питу с Уолли и сорвалась с места. Спасенный мальчишка цеплялся за мою спину, будто мартышка-переросток.

– Они выследят нас, – возразил Пит. – Големы так просто не бросают свою жертву.

– Сомневаюсь. – Я оглянулась назад. – Если это испытание, то впереди нас ждет нечто другое. Големы, – надо же, никогда не думала, что когда-нибудь произнесу это слово со всей серьезностью, – далеко за нами не пойдут. Кто же тогда останется для следующих за нами детишек? Нам просто надо как можно быстрее добраться до следующего препятствия.

– Не очень-то хорошая идея, – заметил парнишка у меня за спиной. – В Отборочных испытаниях быстрота – верная смерть.

– Вообще-то неторопливость нам тоже ничего хорошего не дала, – парировала я.

– Согласен, – ответил он. – Кстати, меня зовут Грегори.

– Гоблин Грегори? – хихикнул Пит. – Твои родители считали, что однажды ты очутишься в книге комиксов?

Руки Грегори плотнее обвили меня вокруг моей шеи, пока я неслась, опасно сокращая расстояние между нами и теми девчонками. Ну уж нет, с меня хватит.

– Все, приехали, поездка окончена. – Я остановилась и грубо сбросила мальчишку на землю.

Тот с воплем ударился о мостовую, перекатился и вскочил на ноги.

– Тупой осел, – огрызнулся он, отряхивая одежду, которая выглядела намного приличнее всего того, что имелось у меня в гардеробе. Неужели у гоблинов водились деньги? Или было чувство стиля? По всей видимости, да.

– Ага, только этот осел только что спас твою задницу, *гоблин Грегори*. – Я поправила бейсболку, натянув козырек пониже, чтобы она сидела плотно. Все это притворство, попытки выглядеть и говорить как парень требовали от меня огромных усилий. Да к тому же я все время забывала, что нужно играть, и это только усугубляло ситуацию.

– Э-э, Билли? – окликнул меня Пит.

– Зови меня Уайлд, – машинально ответила я.

– Похоже, у нас новая проблема.

Кто бы сомневался. Я медленно развернулась и шумно выдохнула при виде открывшейся перед моими глазами картины.

– Ёкарный бабай, и правда.

Глава 11

Воздух огласили крики, донесшиеся с той стороны, откуда мы только что пришли, их сопровождали глухие удары. Как я и предсказывала, големы забыли про нас.

А сейчас перед нами в этом убийственном городе-ловушке простиралось новое препятствие. Мой взгляд упирался в нечто вроде расчленяющей стены смерти.

И это было не образным выражением. Всю ширину улицы, от одного здания до другого, занимала яма как минимум в десять футов глубиной. Ширина канавы, если можно так ее назвать, составляла шесть футов, и заканчивалась она металлической стеной, которая тянулась вверх и скрывалась за пеленой тумана. Эта конструкция напоминала мне огромный забор из проволочной сетки с торчащими в хаотичном беспорядке лезвиями, вынуждающими человека, взбирающегося по нему, двигаться по заданному пути. Я моргнула, и в это время лезвия, находящиеся ближе к земле, убрались, а другие выскочили где-то выше по стене. Нас обрызгало мелкой дождевой пылью. Значит, это не туман. А облака. Забраться по мокрой поверхности металла, скользкой и холодной, было крайне трудной задачей. Я согнула руки, оценивая, какой путь лучше выбрать, и замеряя время появления лезвий.

– Ничего, я видел и хуже, – сказала я.

Воздух прорезал электрический гул, и волосы у меня на руках встали дыбом. Некоторые части стены, шипя под каплями дождя, вспыхнули голубым цветом.

– Да неужели? – проговорил Грегори у меня за спиной, потирая руки. – Видел хуже, значит?

Я уже собиралась ему ответить, когда меня прервал вопль боли, раздавшийся где-то над нами. Очень высоко над нами.

Пит сглотнул так громко, что его услышали все.

– От падения в общей сложности умерло более шестисот пятидесяти тысяч человек – это пятьсот двадцать смертей в год. Во всем мире, – тихо пояснила Уолли, в ее голосе отчетливо слышался страх.

– Я видел хуже. Мы справимся, – повторила я, больше уверяя себя, чем остальных. – Если эти девицы в черном сумели пройти, то и мы сможем.

– Эти девицы в черном, – сказал Грегори, – принадлежат к числу самых влиятельных династий наемных убийц во всем мире.

– Тогда нам нужно выяснить, как они это сделали. – Я осторожно приблизилась к канаве. У самого ее края были заметны свежие следы скольжения, оставленные Позёром и его Свитой, – чтобы перепрыгнуть шестифутовую яму, им приходилось сильно отталкиваться от земли. Нахмутив лоб, я посмотрела на дно канавы. Затем присела на корточки, положила руки на выступающий край, нащупывая следы, а внизу увидела еще один, который можно было сразу и не заметить, если, скажем, убегаешь от големов.

Это испытание напоминало мне прохождение дома с привидениями, самого жестокого из всех возможных. Но ко всему прочему здесь крылась загадка – со своими смертельными ставками.

Только я не собиралась говорить остальным, что мне нравилось такое положение дел.

Я ощутила на запястье вибрацию и взглянула на часы. На экране высветилось сообщение: *«Пропуск задания плохо скажется на твоем здоровье»*.

– Вы тоже сейчас получили сообщения? – Я посмотрела на своих спутников, и те дружно кивнули в ответ.

Значит, нам нужно было идти вперед.

Грегори перепрыгнул через яму, с легкостью преодолев расстояние, и начал взбираться по стене.

– Нам нужно двигаться вперед! – сказал он, озвучив мои мысли.

Однако нам все-таки требовалось двигаться не вперед – во всяком случае, не туда, куда направлялся Грегори. Особенно принимая во внимание следы под моими ладонями.

– Только не этим путем.

Пит, стоящий рядом со мной, практически приплясывал на месте, отбивая ногой ритм.

– Ты до сих пор хочешь писать? – спросила я.

– Ага. Так всегда бывает, когда я нервничаю. – С этими словами он расстегнул ширинку, вынул своего друга и принялся мочиться прямо у меня на глазах. Как если бы я была парнем. Кем я, вроде как, и являлась. Уолли с визгом развернулась к нему спиной.

– Да не в яму же, идиот! – Я с силой пихнула его в бок, вынуждая направить струю в сторону от канавы.

– Почему нет? – Пит оглянулся на меня через плечо.

Я присела на край канавы, стараясь избегать летящих брызг.

– Потому что нам придется спуститься туда.

Кивнув, Уолли отошла подальше от Пита.

– Вот и хорошо. Не думаю, чтобы кто-то погибал в канаве. По крайней мере, я ничего такого не знаю.

Я уже собралась напомнить ей про Первую и Вторую мировые войны, но решила воздержаться.

Мои ноги коснулись мягкой почвы, ботинки под тяжестью веса тут же увязли в земле. Грязь, причем жидкая. Наверняка это была просто грязь, поскольку поблизости коров не наблюдалось. Уолли соскользнула по склону ямы и приземлилась на дно с чавкающим звуком. Следом за ней спустился Пит и даже, что удивительно, Грегори.

– Передумал?

– Ненавижу лазить. – Мальчишка старался не встречаться со мной взглядом, что меня вполне устраивало. Не будем лишать его гордости.

Пит схватил меня за руку.

– Я чувствую аромат сахарной ваты. У одной из девочек были такие духи. Значит, они точно пошли этим путем. Но откуда ты узнал?

Я указала на нечеткие вмятины в рыхлой земле, удивляясь про себя, как он смог хоть что-то унюхать сквозь тяжелый запах земли... и мочи. Тем не менее Пит был прав: после его слов я и сама уловила слабый аромат сахарной ваты.

– Отпечатки ног, – пояснила я. Их я сумела разглядеть, только когда присела на корточки. Да и то, не задержись я на минуту, чтобы обдумать увиденное, тоже могла бы их пропустить. Как и все те участники, которые перепрыгнули яму, выбрав самый очевидный маршрут.

– Идем. Не хочу, чтобы кто-то еще обнаружил этот путь, хотя это можно исправить. Грегори, дай мне свою куртку.

– Что ты собираешься с ней делать? Она явно тебе мала, – сказал Грегори, но куртку отдал.

Всех троих я отправила вперед, а сама с помощью куртки принялась со всей тщательностью убирать оставленные нашими ногами следы.

– Заметаю следы. – Ветка дерева справилась бы с этой задачей лучше, но и так сойдет.

Пока я выравнивала землю, мои спутники ушли вперед. Я рассчитывала, они не уйдут слишком далеко – так и получилось. Закончив избавляться от следов, я догнала их. Они столпились под навесом, образованным выступающим уличным полотном, которое скрывало нас в яме. К слову, этот навес или тоннель также нельзя было заметить, пока ты не спустишься в саму яму.

– И чего вы ждете?

– Здесь заперто. – Пит звякнул чем-то металлическим.

Я обернулась и увидела пятифутовую калитку, ведущую под землю и, судя по направлению, в проход под зданиями. На калитке висел новехонький замок. Абсолютно нетронутый и чистый. Я была готова биться об заклад, это опережающие нас девицы в черном заперли дверь. Я вздохнула.

– Кто-нибудь из вас раньше взламывал замки? – Сама я умела справляться с замками, но считала, что пора бы уже остальным проявить себя и показать свои способности. Для того и существует это место, правда?

Грегори кивнул.

– Я взламывал. – Он поднял руки, демонстрируя нам длинные изящные пальцы. – И вообще у меня неплохо это получается. Только мне нужна какая-нибудь отмычка.

– Неведимка подойдет? – предложила Уолли.

Грегори кивнул. Тогда девушка извлекла из волос одну. Честно говоря, я сомневалась, что та вообще хоть как-то удерживала прическу. Как будто Уолли просто решила приколоть несколько невидимок на всякий пожарный случай. А учитывая, как много они с Питом знали об этих испытаниях, это было вполне вероятно.

– Пока Грегори вскрывает замок, расскажи мне все, что ты знаешь об этой школе, – сказала я ей.

Глаза Уолли расширились, и в этот миг сверкнула вспышка электричества. Я успела вовремя схватить Грегори и оттащить его назад, когда между металлическими решетками пробежали голубые искры.

– Спасибо.

– Не за что. – Я отпустила мальчишку, продолжая сверлить взглядом Уолли. – Ну же, Уолли, выкладывай. Но только не про смерть.

Девчонка пожала плечами.

– Это будет непросто, потому что Академия теневых заклинаний во многих смыслах является олицетворением смерти. В рамках этой школы функционирует пять факультетов. Начну в порядке убывания, согласно рейтингу в мире и среди магических сообществ. На первом месте находится Дом Чудес, где магия и сила имеют наивысшее значение. Вторым идет Дом Ночи, где всем правит тьма и нежить. Третий – Дом Когтя, где животные и их хозяева существуют бок о бок. Четвертый – Дом Теней, где те, кто имеет дело со смертью, прячутся в тени. Пятый и последний дом...

– Дом Чудовищ, – вмешался Грегори и вычурным жестом указал на отпертую калитку. – К которому относятся гоблины и другие страшные существа.

Я смерила его взглядом.

– Ты не слишком-то похож на гоблина. Скорее на миниатюрного Джастина Бибера.

Губы Грегори изогнулись в улыбке.

– С возрастом мы становимся уродливее. А уродливость высоко ценится в нашей среде. Красоту мы оставляем тем, кто ею ослеплен.

Пит наклонился ко мне.

– Похоже, ты его только что оскорбил.

Я уже открыла рот, чтобы извиниться, но тут же захлопнула. Парень никогда не станет этого делать. Нет, он, напротив, будет при любом удобном случае припоминать это оскорбление.

– Выходит, Бибс, ты у нас симпатичный карлик, да?

Грегори открыл рот, обнажив довольно острые зубы, и издал пронзительное шипение, и в этот момент до нас донеслись голоса. Следующая за нами группа почти нас догнала.

Тогда наша четверка, не говоря ни слова, быстро нырнула в открытый проход и тихонько закрыла за собой калитку. Я уже собралась запереть замок, как это сделали те, кто шел впереди, но передумала, решив не быть сволочью. Если идущие следом за нами подростки дога-

даются спуститься в яму, я не стану им мешать. Я оставила замок висеть, чтобы складывалось впечатление, будто он заперт, но не стала защелкивать его до конца.

Затем обернулась и встретила пристальным взглядом Грегори. Пит, поводя носом, двинулся вглубь подземного тоннеля.

– Сюда, я чувствую запах духов. У меня от него просыпается аппетит, – сказал он. Шедшая рядом с ним Уолли мгновенно откликнулась рассказом про смерть, вызванную лопнувшими из-за духов легкими.

Я сделала несколько шагов вперед и ощутила между лопатками покалывание – очередное предупреждение. Обернулась – Грегори по-прежнему внимательно разглядывал меня.

– Что? – спросила я.

– Ты не такой... каким я представлял себе Тень, – произнес он.

Я нахмурилась, уголки моих губ поникли.

– Тень?

Он показал на мой бейджик с именем.

– Они думают, что из-за своей родословной ты попадешь в Дом Теней, но до тех пор, пока в конце Отборочных испытаний не произойдет распределение, нельзя быть уверенным до конца. – Грегори пожал плечами. – Никому не под силу увернуться от быстроты тех големов. Кроме, пожалуй, вампира, но ты точно не один из них.

В эту секунду у меня за спиной послышался шорох. Я обернулась – никого, только тени. И все же... нас могли преследовать, даже если я не ощущала исходящей с той стороны опасности.

С хмурым видом я догнала Грегори и зашагала с ним нога в ногу по закругляющемуся тоннелю. Под нашими подошвами хлюпала вода, в воздухе витал слабый запах фекалий. Мы словно спустились в канализацию, пролегающую под большим городом.

– Не такими уж быстрыми были эти големы.

– Лично мне их движения казались размытым пятном, – тихо проговорил Грегори. – Сам бы я не смог от них убежать.

Я ничего не понимала.

– Да они двигались медленно, как черепахи.

Грегори фыркнул.

– О том и речь. Тебя я тоже практически не видел. Способность двигаться со скоростью, присущей только полноценному вампиру, указывает на принадлежность к Дому Теней.

Я покосилась на мальчишку, потом перевела взгляд на бейджик у себя на груди.

– И ты это говоришь не из-за того, что здесь написано?

Под моим именем значилось всего одно слово. «Тень».

Грегори уставился перед собой.

– Даже без этой надписи я бы понял, кто ты. Нередко наши с тобой виды тесно взаимодействуют друг с другом, поскольку мы считаемся... хуже тех, кто владеет настоящей магией.

Я пожалала плечами.

– А даже если я и Тень, то что?

– Тогда лишь благодаря тебе наша троица выйдет из этого испытания живыми, независимо от рейтинга, – заключил он.

– И ты сейчас на меня никак не давишь, да? – С моих губ сорвался сухой смешок.

Мгновение спустя мы нагнали Пита и Уолли, которые внезапно остановились. И неудивительно: тоннель обрывался и заканчивался пустотой. Уолли прижималась спиной к изгибу стены, а Пит, стоя на четвереньках, вглядывался в пропасть.

– Обалдеть, Уайлд. Ты только посмотри.

Когда мы с Грегори приблизились к краю обрыва, я увидела наше следующее испытание.

– Прямо как в видеоигре, – сказал Пит. – Все эти платформы, лестницы, веревки и множество возможностей упасть. И вообще, почему здесь так высоко? Мы же не могли настолько глубоко уйти под землю?

По сути, он не ошибался, но что-то тут было не так.

– Последние десять минут мы шли вниз по склону, так что такое вполне может быть. – Я задумалась. – Уолли, Бибс, кто-нибудь из вас может прощупать это место?

По мнению Грегори, я была создана для этого места, однако это не значит, будто я ему поверила. Даже если глубоко внутри меня зрело осознание, что он прав. Даже если захлестывающие меня эмоции были ничем иным, как волнением, вызванным приливом адреналина.

Грегори склонил голову набок.

– А почему ты просишь об этом меня? Нас?

– Потому что так рациональнее. Группа целиком всегда сильнее отдельных своих частей, – ответила я. – Ну так что, чувствуешь что-нибудь?

Грегори пошевелил пальцами и закрыл глаза. Словно в эту минуту общался с мертвыми – теперь я бы такому уже не удивилась. Он содрогнулся всем телом, а потом кивнул.

– Здесь поблизости есть золото. Оно... – Он показал вверх, на место чуть впереди нас. – Оно где-то... над нами. В остальном я не уверен.

– Мама говорила, что только представители Дома Теней способны забрать золото, – покачал головой Пит. – До него очень трудно добраться. По ее словам, нужно пройти весь путь как можно быстрее, не стремясь идти в обход, только... я не вижу заданного маршрута, а вы?

– А что ты подразумеваешь под золотом? Та женщина в самом начале назвала его наградой. Это что-то... вроде медали? – Я посмотрела вверх, на гигантскую ловушку – множество круглых платформ, разделенных пустым пространством и соединяющихся в некоторых местах веревками или лестницами, которых все равно было недостаточно.

– Нет, в каждом испытании тебе предоставляется возможность отличиться от остальных, – пояснил Грегори. – Ты можешь завершить испытание, а можешь попробовать себя в более сложном задании и получить за него материальную награду. Но получить этот бонус можно только один раз за испытание: если какая-то группа получит его сейчас, то сегодня оно больше никому не достанется. Для очередного этапа администрация школы поместит новый сундук с золотом, так что у каждого есть шанс. Фактический размер награды зависит от конкретного дома и может отличаться. Например, оборотни обычно разыгрывают больше золота, чтобы как-то *поощрить* участников.

Я скользнула взглядом по выступам и деталям трассы, пока обдумывала услышанное.

– Как думаете, золото спрятано по пути к выходу? – поинтересовалась я.

– Должно быть, – откликнулась Уолли. – Но оно совершенно точно как-то охраняется. Они не позволят тебе так просто им завладеть. За него придется побороться.

– Но при этом сами выдали нам кучу денег, чтобы мы прибыли сюда, – заметила я.

– Да... но тебе *пришлось* прибыть сюда, – возразил Пит.

Не поспоришь.

Тут мое внимание привлекло какое-то движение наверху.

Одна из девиц в черном, приступивших к испытанию раньше нас, перепрыгивала с одной платформы на другую, ее длинные светлые волосы развевались за спиной. Сейчас она целилась попасть на маленькую платформу, которая располагалась от нее справа по диагонали, в том же направлении, куда показывал Грегори.

– Откуда она знает, где находится золото? – тихо спросила я, снова изучая маршрут и пытаюсь обнаружить ориентиры. Было ясно как день, что к веревке, скрывающейся в тумане, девушка движется целенаправленно. В отличие от меня в ее распоряжении не имелось гоблина, а значит, путь ей подсказывали какие-то знаки на самой трассе.

– Добыв золото, ты получаешь больше очков, – пояснила Уолли.

– погоди. – Я вскинула руку. – В испытаниях действует балльная система?

– Да, – произнесла она так, будто я тупая.

Я ухмыльнулась.

– Выходит, если все золото достанется нам, а эти девицы в черном останутся ни с чем, мы победим?

– Ну да... или просто по дороге погибнем. Не самая заманчивая перспектива, – вмешался Пит.

– Мы тоже должны отправиться за золотом, – произнес Грегори со знакомой мне алчностью в голосе. Когда ты вырос в бедности, против привлекательности денег бывает трудно устоять. А ради возможности отправить их домой отцу и близнецам стоило рискнуть.

– Ни один представитель Дома Теней не уходил отсюда с золотом, – сказала Уолли. – Те, кто пытались, обычно проваливали все испытание.

Я потеряла ладони, что-то внутри меня предвкушало и жаждало встречи с ним. Никакая статистика не имела значения.

– Все бывает в первый раз, Уолли. Все бывает в первый раз. Тем более, этот путь точно ведет к выходу.

Пит вздохнул с полной обреченностью.

– Знал же, что не нужно идти за тобой. Теперь я умру.

По неведомой мне причине я усмехнулась.

А потом, оттолкнувшись от края обрыва, прыгнула на ближайшую ко мне парящую платформу.

Глава 12

Должна признать, я сильно переживала за следующую часть испытания. Вдруг я повела остальных неверным путем? Вдруг ошиблась? Уже не в первый раз я подвергала кого-то опасности – то же самое было с Томми и Рори. Меня одолевала тревога, но было слишком поздно – я уже взмыла в воздух.

Платформа от внезапно сместившегося веса покачнулась под моими ногами и затряслась. Я приблизилась к краю и обернулась, ловя Уолли, которая прыгнула следом за мной. Эта девчонка оказалась бесстрашной, хотя и бормотала что-то себе под нос. Наверное, оценивала вероятность своей неминуемой гибели.

– Бег, прыжки, подсчеты – чувствую, это испытание станет моим личным Вьетнамом, – пробурчал Пит, после чего, приготовившись, разбежался. Однако пика его прыжок достиг на расстоянии, слишком далеком от платформы, и у него от страха округлились глаза.

Он не допрыгнет.

– Уолли, держи меня за ноги. – Я бросилась вперед, протянув руку.

Пит замолотил руками, словно мультяшный персонаж.

– Я умру! – заверещал он.

– Давай руку, болван, – закричала я, вытянувшись вперед.

Он коснулся меня пальцами правой руки. А левой замахал по воздуху, начав терять высоту.

– Я ПАДАЮ! ПАДАЮ!

Мое тело захлестнули адреналин и страх, взгляд устремился к пространству под нами. Если он промахнется, то, перед тем как разбиться, его ждет долгое падение.

Рука Пита уцепилась за мое запястье и соскользнула вниз. Я крепко сомкнула пальцы, чтобы не выронить его, а другой рукой ухватила за предплечье.

– Не... впадай... в истерику, просто держись, – пыхтя, проговорила я, а тяжесть его тела потащила меня вперед.

Хватка Уолли, оказавшись сильнее, чем я ожидала, плотно сжимала мои лодыжки, пригвоздив к платформе. Мое скольжение прекратилось, однако тело Пита продолжало тянуть меня вперед, и я с трудом удерживала его. Некоторое время он раскачивался под платформой, а потом ударился обо что-то твердое.

– Ай, – вскрикнул Пит.

– Вы не поверите, сколько смертей от удара о тупой предмет случается каждый год, – пробормотала Уолли. Пора бы срочно как-то ее заткнуть.

– Потерпи, приятель, – сказала я, изо всех сил таща его за руку. – Я тебя держу.

– Только не урони. – Пит потянулся и вцепился в меня и второй рукой.

В это мгновение Грегори пролетел по воздуху и с глухим стуком приземлился в нескольких сантиметрах от меня. Припав к земле, он перекатился, вскочил на ноги и отполз назад.

– Ну, если уж ты так упорно хочешь его спасти, я могу помочь, – протянул Грегори, после чего приблизился к краю.

– Да. Пожалуйста. Ты очень упорно хочешь меня спасти. Пожалуйста, – пропищал испуганно Пит. Он совершенно не умел сохранять спокойствие в ситуациях на волосок от гибели.

Грегори свесился с платформы и схватил Пита за руки. Затем мы вместе принялись тянуть его. Благодаря совместным усилиям нам удалось протащить его через край.

– Обалдеть, – выдохнул Пит, взбираясь на платформу. – Чуть не сорвался.

– А сколько еще таких «чуть» предстоит, – заметила Уолли. Жаль, ее представление о поддержке было таким своеобразным.

В полной уверенности, что с Питом все в порядке, я отряхнулась, тяжело дыша, потом развернулась и обвела взглядом предстоящий нам путь. Вдалеке четыре гибкие фигурки в черном перебрались с нужной нам платформы на веревку, взобрались по ней и скрылись в тумане.

– Одной нет, – тихо проговорила я, ища глазами какое-нибудь движение на платформах. – Вперед ушли пятеро, но до верха добрались только четверо. – Свиты нигде не было видно. Напротив нас зияло отверстие в стене, и я предположила, что они решили пойти легким путем.

– Может, одна упала, – предположил Пит, вставая рядом со мной. – Хотя остальные довольно шустро взобрались по веревке.

– Забудьте о них. Лучше скажите, как нам добраться до той платформы? – с сомнением протянул Грегори. – Перед нами лабиринт, только вместо стен – огромные интервалы. Мы не сможем преодолеть все – их огромное количество.

Я сосредоточилась на трассе: принялась изучать ее общую структуру, размеры платформ и, самое важное, интервалы между ними. И мне быстро стало понятно: до необходимой нам платформы существовал только один возможный путь – длинный, сложный и извилистый. Меня лишь останавливала необходимость прыгать много раз, несколько платформ выглядели очень неустойчиво, а болтающаяся в конце веревка окончательно вынуждала сдаться и искать другой, более легкий путь вверх.

Но ведь те девчонки сумели преодолеть маршрут. Значит, это возможно.

– Я проведу нас, – со всей решимостью заявила я.

– Ты уверен? – спросил Пит. – Какой бы путь я ни выбирал, он заканчивается огромной пропастью.

– Он же Тень, – сказала Уолли. – А у них всегда отлично с тактикой, головоломками и прочим. Так что смело за ним, у нас все получится.

Это правда. Я всегда хорошо справлялась с головоломками. Лучше всех в нашей семье. По этой причине со мной больше никто не играл в шахматы.

– Я смогу нас провести, но придется преодолеть парочку трудных мест. – Пожевав губу, я перевела взгляд на Пита. – Тут потребуются усилия всей группы. Нам всем придется попотеть.

Уолли и Грегори тоже уставились на Пита – наше, очевидно, самое слабое звено, когда дело доходило до прыжков через пропасть. Пит кивнул: то ли он не заметил наших сомневающих взглядов, то ли они придали ему смелости.

– Я справлюсь, – заверил он. Решимость в его голосе затмевала неуверенность.

Я тоже кивнула, едва заметно дернув головой, потом разбежалась и прыгнула на соседнюю платформу. Как только мои ноги коснулись земли, развернулась и выдала указания:

– Уолли, ты следующая. Затем Грегори. Потом задержитесь у края и дождитесь Пита. Все ясно?

– Да, – отозвалась Уолли в прыжке и спланировала в самый центр платформы, врезавшись в меня. Грегори на этот раз обошелся без резких остановок и при приземлении старался никого не задеть. Пит ринулся в прыжок с круглыми от страха глазами, отчаянно размахивая руками.

К счастью, по мере продвижения вверх у него стало получаться все лучше, даже с непослушной веревкой он справился на удивление ловко, не считая неуклюжего приземления на маленькую площадку.

В двух платформах от нашей цели мы остановились, тяжело дыша. Мои спутники хранили молчание, позволяя мне спокойно оценить обстановку и понять, куда нам двигаться дальше. Только один раз во время всего пути прозвучал вопрос: Грегори показалось, что одна из выбранных платформ ведет нас в тупик. Я коротко и рассеянно объяснила ему свое решение, пока прокручивала в голове наш дальнейший маршрут, но этого, как ни странно, оказалось достаточно, чтобы успокоить ребят. После этого они безропотно следовали за мной. Все было прекрасно, и жаловаться не приходилось.

Вдруг меня охватило странное ощущение. Кожа предупреждающе покрылась мурашками, а по спине пробежал холодок. Я осмотрелась по сторонам, попыталась вглядеться в сгущающийся вокруг нас темный туман. В его недрах явно что-то таилось. Ждало. Наблюдало. Но оно не было похоже на то, что преследовало нас раньше. Чем бы ни было это нечто, оно хотело причинить нам вред.

Подгоняемая новыми обстоятельствами, я перепрыгнула на следующую платформу. Из-за увеличившегося веса деревянная поверхность под моими ногами сдвинулась вперед. Чуть не потеряв равновесие, я замахала руками и едва не опрокинулась назад, в пропасть. С этой качающейся платформой происходило что-то странное.

– Здесь будьте осторожны, – дрожащим голосом предупредила я остальных, согнувшись в попытке удержаться на ногах.

– Ничего себе, – выдохнула Уолли и прижала руку к груди. – Это было опасно. Я уж думала, ты сейчас упадешь.

Я тоже.

– Теперь она слишком далеко, – крикнул Пит. Я в это время рассматривала облачка тумана: они клубились и парили над веревкой с узлами, болтающейся над нужной нам платформой.

Оглянувшись назад, я поняла, что он прав. Платформа совершенно не походила на неустойчивую. Она сдвинулась под моим весом, но на место так и не вернулась. А это значит...

– Здесь каждому придется прыгать по одному, – сказала я и с легкостью перескочила на последнюю платформу. Как и следовало ожидать, предыдущая площадка вернулась в свое первоначальное положение – на довольно близкое расстояние к тому, кто собирался прыгать следующим. – Страховки уже не будет.

– Такое ощущение, будто нам продемонстрировали работу настоящего мастера, – восхитилась Уолли, на ее лице играла кривая усмешка. – Вы согласны? В любом случае, это было круто.

– Я же говорил, не зря его привел Песочный человек, – добавил Пит. – Очень надеюсь, что я не свалюсь. Это мой самый большой страх. Я уж думал, мне конец, когда в прошлый раз выпал из вертолета. Между прочим, с их стороны довольно подло позволять ученикам вылетать из кабины на ходу.

Песочный человек проявил ко мне интерес отнюдь не из-за моих способностей к тактике и реальным головоломкам, но я не собиралась переубеждать своих спутников. Чем меньше они знали о причине моего нахождения здесь, тем лучше.

Недавно возникшее ощущение опасности усилилось и переросло в страх, пробирающий до костей. Мою грудь сдавило, сердце учащенно забилося. Что-то надвигалось. Нечто опасное для всех нас.

Я перекатилась с пяткок на мыски, чувствуя потребность действовать. Убегать или сражаться. Но не понимала, какую угрозу ожидать. К тому же бежать было некуда.

– Надо убираться отсюда, – проговорила я, когда Уолли прыгнула. – И как можно скорее. Пит, стоя рядом с Грегори, расправил плечи, огляделся по сторонам.

– Ты это чувствуешь? – обратился он к Грегори. В это мгновение мою спину между лопатками пронзило иголками.

Грегори пропустил его вопрос мимо ушей: он наблюдал, как Уолли совершает свой последний прыжок на конечную платформу. Поскольку теперь ей было известно о движущейся площадке, у нее это выходило грациозно. В считанные секунды она оказалась рядом со мной.

– Глаза. – Пит покрутился на месте. – Мне кажется, будто за нами кто-то наблюдает. – Он поднял нос, приняхался.

На лбу у меня выступила испарина, я повернулась к веревке – завязанные на ней узлы облегчали подъем. Ее верхний конец скрывался в темно-серых, почти черных, клубках тумана.

– Как думаешь, что там наверху? – тихим голосом спросила у меня Уолли.

– Неприятности, – ответила я и слегка подергала веревку, чтобы убедиться, что она точно к чему-то привязана.

Тут к нам на последней платформе присоединился Грегори, мобильная площадка вернулась на свое место, собираясь наконец-то забрать Пита.

– Будь осторожен, она движется, – напомнила ему Уолли.

– Взобраться по этой веревке слишком легко, – задумчиво пробормотала я. – При этом путь сюда был сложным. Подъем требовал огромных физических сил. И теперь в самом конце нас ждет обычная веревка с узлами? Почему бы просто не поставить лестницу?

– А как бы мы забрались? – непонимающе спросила Уолли.

– Он имеет в виду, что все это чересчур легко, – пояснил Грегори. Тут его голос заглушили крики Пита.

– Есть! – взвизгнул тот, приземлившись на корточки, словно паук перед прыжком. – Я сделал это!

– Именно, уж слишком легко, – подтвердила я.

– Я чувствую запах золота, – сообщил Грегори, его взгляд был устремлен вверх. – Он слабый, переменчивый, как будто его уносит ветром. Но сейчас он ощущается ближе.

– Хотелось бы мне тоже чувствовать запах золота, – мечтательно протянула Уолли. – Но пока я даже не улавливаю ветерка.

В знак согласия я покачала головой.

– Тем не менее, несмотря на всю простоту, это наш единственный путь наверх. – Я ухватилась за веревку.

Пит громко выругался, когда его платформа остановилась, но, к счастью, с края не соскользнул. На дрожащих ногах он перепрыгнул к нам.

– Плохие новости, Пит, – сказала я, не в силах оторвать взгляд от туманной пелены. Мой внутренний голос подсказывал мне: там нас ждет опасность. Взобравшись по этой веревке, мы рисковали своей жизнью. Но разве не то же самое было в других испытаниях? Когда мы прыгали через пропасти?

Нет. Сейчас все иначе.

Я отмахнулась от своей странной уверенности в опасности. Проку от нее никакого. При этом я ни капли не сомневалась: мне нужно пропустить остальных вперед – не знаю почему.

– Ты полезешь первым, – сообщила я Питу. – Туман, скорее всего, простирается футов на пятьдесят вверх. Кто знает, что там скрывается за ним. А в случае если ты вдруг отпустишь руки, внизу будет тот, кто не даст тебе разбиться. К тому же у тебя, на мой взгляд, способности к лазанию.

– Ненавижу, – проворчал Пит, медленно приближаясь к веревке.

– Когда настанет очередь испытания от твоего факультета, мы все, наверное, также возненавидим его. – Уолли похлопала Пита по спине. – Так что будем квиты.

Пит подпрыгнул, подтянулся на веревке. Меня пробила странная дрожь, как пробежавшая рябь на темной воде.

«Это не твое место, – будто услышала я. – Дальше ты не пройдешь».

Коснувшись веревки, ничего подобного я не испытала, но только когда это сделал Пит.

Мой взгляд скользнул выше. Зуд между лопатками усилился, обернувшись царапанием когтей, глубоко впивающихся в кожу. Туман сердито сгустился у нас над головами. Что-то проглядывало сквозь него. Я была в этом уверена.

– Будь внимателен, как окажешься по другую сторону тумана, – предупредила я, подходя ближе. – Лезь как можно быстрее, но смотри в оба. – Я закусила нижнюю губу. – Что-то мне подсказывает, это плохая затея.

– Это же Отборочные испытания, – вмешалась Уолли, становясь рядом со мной. – Довольно трудно отыскать хорошую затею, если необходимо избегать опасности.

Медленно переставляя руки, Пит постепенно продвигался вверх, его ноги то оказывались в неудобном положении, то промахивались мимо веревки.

– Уолли, ты следующая. Вперед. – Не дожидаясь, пока Пит проползет далеко, я подтолкнула ее к веревке.

Грегори и вовсе решил обойтись без моих указаний. Должно быть, почувствовал, что я хочу идти последней и ловить тех, кто упадет.

Внезапно протяжную тишину за нашими спинами прорезал крик. Я резко развернулась, остальные члены моей команды замерли на веревке, вытянув шеи и оглядываясь через плечо.

Из тоннеля выбежали четверо ребят, которые тут же бросились врассыпную. Они тянули руки, пытаясь за что-нибудь уцепиться, чтобы не последовать за своим другом.

– Его толкнули, – крикнул один из них, оглядываясь назад. – Клянусь богом, его толкнули!

– Давай. – Я пихнула Грегори в зад. – Двигай!

– Кольт, ты видел, кто это сделал? – поинтересовался другой парень.

– Уж лучше он, чем мы, – подал голос третий.

С кончика палки, которую в своей мускулистой руке держал один из парней, сорвалась вспышка. Она разрезала воздух, озарив пещеру мутным красным светом.

Воспользовавшись случаем, я вгляделась в темные облака, окутывающие верхнюю часть веревки. И там, прямо над Питом, увидела светловолосую девушку в черном: та лежала на животе, свесившись с края платформы. Ее рука совершала пилящие движения, а сжимаемый нож посверкивал в красноватом пульсирующем свете.

– Она перерезает веревку! – завопила я, беспомощно указывая пальцем вверх.

Девушка отвлеклась от своего занятия и перевела на меня взгляд. В ее глазах сверкнул хитрый огонек. Она наслаждалась этой игрой, а вредить участникам испытаний было частью того, что доставляло ей веселье.

– Давай ползи быстрее, так, как никогда раньше! – прикрикнула я на Пита.

А в это мгновение кто-то заорал из тоннеля:

– Эта Черная вдова пытается сорвать испытание!

Я обернулась как раз вовремя: парень выстрелил из своей палки – я была вынуждена наконец признать, что это была настоящая волшебная палочка. Поток ярко-голубого света рассек воздух и ударил в нескольких футах от девушки, перерезавшей веревку. Та отшатнулась и перекатилась вбок.

Я стала искать глазами, что бы можно было швырнуть. Любой предмет.

– Ну же, Пит! – вопила Уолли. – Ползи!

– Я стараюсь, – откликнулся Пит. Его движения были резкими, дыхание прерывистым. – Стараюсь.

Новая вспышка света просвистела в воздухе, на этот раз рядом со мной. Мою руку обожгло.

– Это не мы, – закричала я, хватаясь за веревку, пока мои спутники взбирались наверх. – Мы не...

У входа в тоннель, за спиной одного из ребят, мелькнула темная фигура.

– Берегись... – воскликнула я, но было уже слишком поздно. Парня толкнуло вперед. Он попытался ухватиться за воздух, но твердая почва уже ушла у него из-под ног. Несмотря на волшебную палочку, та ему никак не помогла. С ее кончика сорвалась вспышка света и, прорезав воздух, ударила в каменный потолок высоко над нашими головами. Парень, крича, потянулся руками за платформой, но та оказалась слишком далеко. Под действием силы тяжести его тело рухнуло вниз.

– Быстрее, – заорал один из парней – привлекательной наружности, преисполненный непомерного самодовольства и самоуверенности.

В тусклом красном свете прозвучал мягкий смех. Я с трудом разглядела блондинку, чье лицо снова мелькнуло над головами моих спутников. Девушка подмигнула мне, в моей голове прозвучал тревожный сигнал... а после исчезла.

– Вот что происходит, когда злобные девчонки получают свободу действий, – произнесла я вдруг онемевшими губами и схватила за веревку.

– Злобные девчонки – это еще полбеды, – заметила Уолли, когда Пита поглотил туман. – А вот кого стоит опасаться, так это кровожадных подонков. В Отборочных испытаниях у них вообще нет тормозов.

– Это точно.

Группа парней, теперь в составе трех человек, устремилась к платформам. Один из них – мускулистый, высокий и широкоплечий, с копной русых волос – взмахнул палочкой. На первых трех платформах – тех, по которым мы прошли – замерцали отпечатки ног. Тогда он двинулся вперед, буквально по нашим следам. Добравшись до самой дальней платформы, он остановился и снова взмахнул палочкой.

– Жулик, – прорычала я. – Эй, там наверху, давайте энергичнее. Эти парни довольно крепкие. И будут здесь в считанные минуты.

– Удивительно, что у него еще нет карты, – натужным голосом произнес Пит. Он явно узнал мальчишку. – Черт. Вот черт, что это... Похоже на какой-то треск.

– Это веревка! – проговорила Уолли, ее голос зазвенел от страха. – Это веревка! Она сейчас оборвется! Быстрее, Пит! И больше никаких «Сникерсов». Никогда! Для тебя они официально под запретом.

– Я уже наверху, – минуту спустя воскликнул Пит. – Я здесь!

– Ну, тогда залезай, – крикнул в ответ Грегори.

К тому времени как я добралась до треснувшего участка веревки, нас от преследующих парней отделяло всего несколько платформ. Пока я преодолевала разрыв, оборвалась вторая нить, а оставшаяся сильно натянулась. Вряд ли веревка выдержит тех парней – уж точно не всех троих.

– Нам туда, – указал Грегори, когда я перелезала через край верхней деревянной площадки.

Слева от нас над пустотой раскинулся шаткий подвесной мост, ведущий в очередной тоннель. Но Грегори показывал в противоположную сторону: на бревно без каких-либо поручней, переброшенное через море шипов. Один его конец скрывался в еще более темном густом тумане. Это испытание явно пыталось с помощью неизвестности поселить страх в наших сердцах.

У начала бревна, со стороны платформы, стоял маленький столик, на котором лежали три бинокля и большие металлические диски, очень похожие на щиты.

– Эти шипы – иллюзия, – сказал Пит, подходя ближе. – Правда же? Иначе над некоторыми платформами был бы настил, а его нет. Это все одна большая открытая пещера.

– Даже если это и иллюзия, то что? – Грегори взял один из биноклей. – Если мы не упадем на шипы, то расшибем головы о платформы внизу. Разница не большая.

– Число людей...

– Нет. – Пит оборвал Уолли взмахом руки. – Ничего не говори. Какой бы ни была ужасной статистика, не говори. Я не хочу ничего знать.

За нашими спинами послышался треск. Мускулистый парень с русыми волосами начал взбираться по веревке, через мгновение к нему присоединился один из его приятелей.

– У нас нет времени.

Грегори шумно втянул воздух сквозь зубы.

– Вот оно, – перебил он меня. – Офиге...

– Дай посмотреть. – Пит схватил со стола второй бинокль. – О, черт... Все, я передумал. Я в деле. Золото. Я выбираю золото.

В два коротких шага я оказалась возле стола и забрала последний бинокль. Сквозь пелену тумана он показал мне дверной проем и комнату за ним. При виде огромной сверкающей груды золота я тоже резко втянула воздух. Часть его покоилась на прочном столе перед задней дверью, еще больше было рассыпано на полу.

– Твою ж мать, – тихо выругалась я, но быстро взяла себя в руки: нельзя было допускать, чтобы вид золота ослепил меня перед лицом опасности. Ведь неспроста нам оставили щиты. Я перевела бинокль вправо, на увитую плющом стену вдалеке. Там, на широкой платформе, позади которой располагалась дверь, с луком на коленях и колчаном стрел на боку сидел не кто иной, как Бакенбарды, прижимая к глазам бинокль.

Я помахала ему. В конце концов, он втянул меня во все это и теперь заслуживал, чтобы и на него бросили тень, прошу прощения за каламбур.

С другой стороны, намного ближе к нам, я заметила женщину: та прижималась к стене пещеры. Большую часть ее широкой площадки занимала металлическая стойка с шестью отверстиями, откуда торчали длинные палки.

– Глупенький зайчишка, – пробормотала я, а потом увеличила изображение стойки и усмехнулась себе под нос – а что еще мне оставалось? – Это не палки, а копья.

– Что это? – вдруг спросил Грегори.

Раздался щелчок, после чего воздух сотряс крик. Звук оборвался с громким шлепком.

Я обернулась – парень с русыми волосами как раз взбирался на деревянную платформу. Оказавшись наверху, он быстро глянул вниз, от увиденного его лицо ничуть не изменилось.

– Это оборвалась веревка! – выпалила я, дернувшись вперед.

– Тебе не захочется это видеть. – Уолли остановила меня, не давая подойти к краю. – Если только тебя не интересует, как выглядит вывернутая под неестественным углом нога. В противном случае точно не захочется.

– Кольт крепкий, с ним все будет в порядке. – Светловолосый парень отошел от края платформы, обогнув Уолли по широкой дуге. Сомнительные типы сами редко кому доверяли. – Значит, вот он? Путь к сокровищу Теней? И сколько они предлагают?

Грегори с Питом отступили назад, в то время как блондин приблизился к бревну. Он скользнул взглядом по щитам, после чего протянул руку за биноклем.

Свой я решила оставить при себе, поскольку парень даже не сказал «пожалуйста».

– Итак, что у нас тут? – поинтересовался он, переводя взгляд на меня, когда никто не поспешил делиться с ним биноклем.

– Незваный гость, – настороженно прорычала я. После чего натянула бейсболку пониже и провела рукой по щеке, вытирая пот и полосы грязи, оставшиеся после испытания в канаве.

Парень развернулся ко мне – у него оказались глаза непостижимо голубого цвета. Целую минуту он изучал меня – это не был взгляд мужчины, которым тот обычно оценивает женщину: сначала выискивая красоту в ее лице, а потом переходя к телу, – потом чуть надулся, выпятив грудь, и едва заметно наклонился, дабы показать свое доминирование.

Поскольку я для него была парнем.

И такое положение мне нравилось больше. Красотой я не могла управлять, а вот врезать ему по голове в доказательство своего превосходства было мне по силам.

Жесткое лицо, расслабленная поза – я встретила с ним взглядом, но глаз не отвела. Как бы мне ни хотелось игнорировать его внешность, но со зрением у меня было все в порядке. Его лицо отличалось классической красотой: прямой нос, четко очерченный подбородок, высокие скулы. Крепкое телосложение в сочетании с широкими плечами говорило о высоком уровне уверенности в себе, а высокомерно вздернутый нос и витавшая вокруг аура исключительности

свидетельствовали, что он вырос в обеспеченной семье, а не в такой неотесанной и шепотливой, как моя. В жизни мне нечасто доводилось встречать подобных людей, однако в нашем неравном социальном положении сомнений не было.

А значит, он не был знаком с суровыми законами улиц. Ему это и не требовалось. Такой расклад давал мне преимущество, которого ему никогда не понять.

Надежно закрепив свое место на вершине, я ухмыльнулась и передала ему бинокль. В ответ он в явном замешательстве нахмурил лоб. Рано или поздно он сообразит, что к чему. А пока можно его использовать. Он отлично управлялся с волшебной палочкой, даже если над прицелом еще требовалось поработать.

– Справа – стрелы, слева – копья, – сообщила я, повернувшись к бревну. – В конце располагается обычная комната, которая наверняка таит в себе множество кошмаров. Они уж точно так просто не отдадут все золото тому, кто обладает лишь хорошим балансом и быстрыми ногами.

Желая удостовериться в моих словах, мистер Глазастый посмотрел в бинокль. А через мгновение шумно выдохнул.

– Черт. Это же Песочный человек.

– О, так ты знаком с Бакенбардами?

– Против него одного хорошего баланса и быстрых ног будет недостаточно, – сказал он.

– Видимо, для этого нам и выдали щиты. – Я закусил губу и покосилась на подвесной мост. – Как думаешь, те девчонки уже попробовали свои силы?

– Какие девчонки? – Глазастый покрутил пальцем колесико на бинокле, увеличивая изображение комнаты напротив.

– Пять девчонок, ступивших на тропинку первыми. Я видел, что до этой платформы добрались только четверо из них.

Парень опустил бинокль и некоторое время изучал мое лицо.

– Веревку обрезали они или это твоих рук дело?

– Вообще-то трудно обрезать веревку, когда ты сам ползешь по ней.

Он свел брови на переносице.

– Дилетанту в магии – возможно. – Бинокль со стуком грохнулся на стол – у этого парня напрочь отсутствовало уважение к чужому имуществу. – Если они пошли этим путем, то продвинулись явно недалеко, раз золото до сих пор на месте. Шипы – иллюзия. Упав на них, они отправятся туда, куда и все проигравшие. А вот стрелы и копья настоящие. С ними будет больно. Хотя они здесь не чтобы убить нас, поэтому самое худшее, что нас ждет, – это падение или боль. – Он обвел взглядом нашу разношерстную компанию. – Остается только решить: кто пойдет первым?

Глава 13

Бревно над открытой пропастью, шипы, только и ждущие как бы проткнуть тебя, и два стрелка, пытающиеся столкнуть тебя на эти шипы. Затея скверная.

– Стоп, стоп, стоп. – Я выставила обе руки перед собой и по очереди встретила взглядом с Уолли, Питом и Грегори. Несмотря на имеющиеся у меня способности, мне в первую очередь необходимо было думать об их безопасности – как если бы сейчас рядом со мной стояли Билли и Сэм. – Послушайте, это очень опасно. Каковы шансы, что мы добудем это золото?

Пит взглянул на Уолли.

– Ну?

– Я... – Она развела руками. – Мне не хватает информации, чтобы это оценить. Наверное, невысокие?

– Ну конечно. Когда нам действительно это нужно, ты не можешь сказать ничего вразумительного, – проворчал Пит.

– Ты что, трусишь? – Глазастый насмеялся надо мной, и что-то мне подсказывало, его реплика должна была меня сильно задеть.

Но я даже ухом не повела.

– Пройти по этому бревну будет очень непросто, но в самой комнате нас точно ждет какое-то безумие. Или же мы можем выбраться отсюда по подвесному мосту. Поскольку веревка обрезана, больше никто не сможет заполучить это золото. Мы так и так оказываемся в выигрыше. Девушки в черном его не забрали – это очевидно. Так что мы пройдем испытание. Я это знаю.

– Я заберу золото, – уверенным тоном заявил Глазастый.

Я махнула в сторону бревна.

– Давай, вперед...

– Нет, постой. – Пит вышел вперед. – Би... Уайлд, погоди. Ты пойдешь. Пойдешь первым.

– Что? – Я округлила глаза. По-моему меня хотели бросить на растерзание волкам.

– Жулики никогда не добиваются успеха, – в голосе Уолли появились нотки, благодаря которым она заслужила свое прозвище, – если только эти жулики не принадлежат к семье Хеликсов.

Глазастый громко рассмеялся.

– Похоже, я попал на какое-то шоу уродов. Послушай, так ты идешь или нет? Будет довольно полезно посмотреть, на чем ты запорешься. В противном случае посторонись.

Пит подкрался ко мне, согнув спину и низко склонив в знак покорности голову – только не передо мной, а Глазастым.

– Он забирает все, что ему дают, Уайлд, – тихо сообщил мне Пит. – Его отец наверняка рассказал ему, как именно победить в этом испытании. Какие заклинания использовать, за кем следовать, кого вывести из строя первым. Мы не можем ему этого позволить. Ты справишься. Тебе даже не придется жульничать, ты и без того чертовски крут. Эти деньги должен получить ты, а не он.

– А как же «мы»? – пробормотала я. Глазастый в это время склонился к бревну, чтобы лучше его рассмотреть, пнул дерево мыском ботинка.

– А мы не позволим ему избавиться от тебя, когда ты доберешься до золота, – произнес Пит уголком губ. Он дернул головой, и тут я заметила, что Грегори разглядывает Глазастого с нескрываемым презрением.

– Кто он вообще такой? – спросила я. Меня накрыла волна тревоги, а следом за ней дрожь волнения. Пересечь это бревно не составит труда – я и раньше бесчисленное число раз переходила ручьи: по доскам, по камням и по всем видам мостов. К тому же не раз это делала в условиях

обстрела, если считать оружием булжники, рогатку, пейнтбольные ружья и однажды даже мертвого опоссума. Будучи самой юной в нашей компании и единственной девушкой среди парней, я все время оставалась без пары, и меня всегда выбирали на роль противника. Так что я прекрасно научилась уворачиваться от стрельбы.

Только сейчас этот опыт никак мне не поможет справиться с тем, что ждало нас в той комнате. Она была одним белым пятном. Тем не менее, невзирая на явную опасность, мне не терпелось испытать себя. Если бы своими неверными решениями не пришлось втягивать в это остальных, я бы пошла на это без угрызений совести.

– Итан Хеликс, сын Брюса Хеликса, – ответил Пит и выжидательно уставился на меня.

Я покачала головой, чего он точно не ожидал.

– *Брюс* Хеликс. – Еще одна многозначительная пауза и округлившиеся глаза. – Черт, ты вообще что-нибудь знаешь о мире магии?

– До недавнего времени я даже не знал о его существовании, – сказала я.

Пит недоверчиво закатил глаза.

– Он управляет североамериканским отделением «Светотени». Невероятно могущественен, с большими связями, богат, и его семья насчитывает множество веков в мире магии. Он очень влиятельный человек. *По-настоящему* влиятельный.

– Обычно влиятельные люди – самые большие хвастуны.

Пит наклонился ближе.

– Он хвастун с огромным влиянием. Хеликс всегда побеждает, Уайлд. Точнее, его семья. Они всегда на вершине. И если хотя бы раз кто-нибудь... – Он замолк, но я отчетливо услышала продолжение фразы в своей голове.

Было бы здорово, если хотя бы раз выиграл простой человек. Если бы приз увез домой какой-нибудь неудачник.

Преисполненная решимости, я кивнула.

– Что ж, давай посмотрим, как дев... мальчишка с тexasской фермы из глуши выступит против такой важной птицы.

Пит расплылся в улыбке до ушей.

– Дамы и господа, – заговорила Уолли своим странным низким тембром. – Занимайте места. Представление сейчас начнется.

– Что у нее с голосом? – удивился Итан, глядя на Уолли.

– Я пойду первым. – Я приблизилась к столу рядом с бревном, эта волнующая ситуация лишь придавала мне сил. Если потороплюсь, у меня не будет времени подумать о явном различии между ручьем у нас дома и бревном, растянувшимся то ли над шипами, то ли над пустотой на сотни футов – тут уж как посмотреть. К тому же мне некогда будет размышлять об огромной разнице в боли от удара точно выпущенной стрелой или копьем и пейнтбольным снарядом или мертвым животным, сбитым автомобилем. И, конечно же, задумываться о смертельной ловушке на другом конце бревна, где таятся скрытые угрозы, только и ждущие, когда я окажусь там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.